

Алёна Цветкова

Помещица

БЕСПРИДАННИЦА

Алёна Цветкова

Помещица

<https://litres.ru/74231313>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я собиралась на спектакль, а попала в другой мир. Меня зовут именем главной героини, и все кажется знакомым: приданого нет; мать мечтает выдать замуж за богатого; ревнивый жених смотрит как на победный трофей; и даже рана от пистолетного выстрела имеется...

Но все оказалось совсем не так, как я себе представляла.

И теперь все вокруг считают, что я сошла с ума.

К счастью, у меня есть выбор: отправиться в лечебницу со всеми удобствами или в деревню, в глушь, в разоренное после реформы поместье.

Альтернативная Россия после отмены крепостного права

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	68
Глава 15	73
Глава 16	78
Глава 17	84
Глава 18	89
Глава 19	94
Глава 20	99
Глава 21	104
Глава 22	109
Глава 23	114

Глава 24	119
Глава 25	124
Глава 26	130
Глава 27	136
Глава 28	141
Глава 29	146
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Помещица

Глава 1

— Ангелина Егоровна! — Кристина ворвалась в кабинет без стука, так громко хлопнув дверью, что звук раздался словно выстрел.

Я вздрогнула и подняла голову от финансовых отчётов. Цифры категорически не нравились: интуиция подсказывала: где то здесь ошибка. Просто пока я ее не нашла.

— Что случилось, Кристина? — недовольно проворчала я, поправляя очки, сползшие с носа.

Старые, со сломанной дужкой, перемотанной изолентой. Та давно потеряла клейкость и выполняла скорее декоративную функцию. Рядом лежали другие — в дорогой оправе, с прогрессивными линзами, позволяющими чётко видеть и вблизи, и вдали. Но старые очки были моим талисманом: мне казалось, в них всё выглядит яснее.

— На следующей неделе в область с гастрольями приезжает Московский театр! Мой любимый братик обещал достать билеты на «Бесприданницу»! — Кристина закружила по кабинету, смеясь и хлопая в ладоши, как ребёнок.

Я вздохнула. Похоже, на сегодня с отчётами покончено. Стянула очки, небрежно бросила их на стол и спросила:

— А муж то отпустит?

— Уже отпустил! — ликующе закричала Кристина. — Представляете, ещё немного — и моя мечта исполнится!

— Я очень рада, — кивнула я. Получилось немного сухо, но Кристина уже привыкла к моей сдержанности. — Надеюсь, ты предупредила брата, что я тоже не прочь воспользоваться его связями и получить билет на спектакль?

— Ну конечно, Ангелина Егоровна! — Радость коллеги было невозможно омрачить. — Димка ни за что не отпустил бы меня без вас.

Я кивнула. Дмитрий — муж Кристины, которую я с большой натяжкой могу назвать своей единственной подругой (несмотря на разницу в тридцать с лишним лет), мне не нравился. Особенно раздражала его склонность ревновать к каждому, кто оказывался рядом с женой. Это, на мой взгляд, говорило не о любви, как полагала наивная Кристина, а о слабости и неуверенности в себе. Впрочем, мне с ним жить не предстояло, и я держала язык за зубами, подавляя желание открыть глаза бедной девочке.

Вспоминала, к чему приводит вмешательство в чужую семью. Моя собственная распалась из-за «доброжелателей», решивших открыть мне глаза на измены мужа через месяц после свадьбы. Я была в ярости, жаждала отомстить, причинить ему такую же боль. Прежде чем завести разговор, провела ночь с его другом.

А потом выяснилось: «доброжелатели» ошиблись. Муж встречался со своей двоюродной сестрой. Мы с ней не лади-

ли, и он скрывал их общение, чтобы сохранить мир в семье.

Но простить мою измену он не смог...

Да и я сама себя не простила. Наказала одиночеством, так и не сумев построить новые отношения. Поначалу пыталась: знакомилась, ходила на свидания. Но всякий раз что то мешало сделать следующий шаг. Я уходила, едва в сердце зарождались хоть какие то чувства.

Может, приложи я чуть больше усилий, чтобы справиться с болью и обидой, всё сложилось бы иначе. Но я даже не пыталась измениться. Решила, что не создана для отношений, и научилась жить одна.

Много работала.

Дослужилась до руководителя контрольно ревизионного управления в городской администрации. Сейчас на заслуженном отдыхе, но почти каждый квартал меня просят прийти и проверить отчёты. О моей способности находить ошибки в бесконечных столбиках цифр ходят легенды.

Много путешествовала.

В основном по России. Я панически боялась высоты: даже мысль о пропасти под крылом самолёта вызывала приступ тревоги. Зато поезда всегда нравились. Неделя в пути пугала куда меньше, чем десятичасовой перелёт. К тому же финансы позволяли путешествовать с комфортом.

Много читала.

Собрала дома огромную библиотеку: близость к высокому начальству давала доступ к самым дефицитным издани-

ям ещё во времена СССР. Когда открыла для себя электронные библиотеки, погрузилась в читательский запой: проглатывала всё подряд — от серьёзной литературы до бульварных романчиков о любви. От последних иногда мучила изжога, но постепенно я научилась выбирать лёгкие, интересные истории, не вызывающие отвращения. Особенно увлекли книги про попаданцев и попаданок. Кому не понравится идея получить второй шанс, начать жизнь заново?

По той же причине несколько лет назад я всей душой прикипела к театру. Раньше он не трогал меня так, как сейчас. Глядя на сцену, я видела, как актёры легко меняются, превращаясь в других людей не только внешне, но и по характеру, менталитету, мышлению. Чем не вторая жизнь?

— Ангелина Егоровна!

Я вздрогнула и заморгала, уставившись на Кристину, застывшую перед столом. Кажется, я отвлеклась, утонула в мыслях и выпала из реальности. В последнее время это случалось всё чаще, вызывая иррациональный страх на грани паники. Я ещё не смирилась с тем, что постарела...

— С вами всё хорошо?! — Моя юная подруга смотрела с искренним беспокойством.

— Да, — кивнула я. — Значит, всё как всегда? С тебя дорога, с меня квартира?

— Конечно! — весело отозвалась Кристина, но тут же спохватилась, взглянула на часы и заторопилась: — Ой, уже восемнадцать ноль пять! Мне пора! Димка ждёт!

Она умчалась, хлопнув дверью и оставив после себя горькое послевкусие некстати нахлынувших воспоминаний и светлое предвкушение будущей поездки в театр.

Глава 2

Две недели пролетели как один миг. Я заранее подготовилась: перечитала пьесу, чтобы освежить в памяти сюжет и лучше понимать происходящее на сцене; сняла квартиру в областном центре; купила новое платье и достала любимые туфли.

Накануне, поздно вечером, когда я уже собиралась спать, затрещал домофон. Гостей я не ждала и сперва решила, что кто-то ошибся номером. Но трезвон не прекращался — пришлось встать и поднять трубку.

— Кто?! — резко выдохнула я, всё ещё уверенная, что это не ко мне.

В ответ раздался незнакомый мужской голос:

— Ангелина Егоровна, это Дмитрий, муж Кристины. Впустите меня, пожалуйста...

Я нахмурилась. Что за ерунда? Зачем он сюда явился? Неужели что-то случилось с Кристиной?

— Входите, — буркнула я, нажимая кнопку.

Через пару минут двери лифта распахнулись, и из него вышел муж Кристины. Выглядел он неважно: хмурый, осунувшийся, с искусанными до крови губами, тёмными кругами под глазами и вселенской усталостью во взгляде.

— Что случилось? — спросила я напряжённо.

Он вздохнул:

— Кристина в больнице...

— Что вы с ней сделали?! — выпалила я, представляя самое худшее. Неужели он поднял на неё руку из за своей ревности?

— Я?! — удивился он.

— Ну не я же, — фыркнула я. — Вы же её муж.

Он устало привалился к стене, словно ноги перестали его держать:

— Кристина беременна. Она не хотела никому говорить раньше времени. Но сегодня ей снова стало плохо. Её положили на сохранение. Врач сказал: никаких волнений, иначе мы опять потеряем ребёнка.

В его голосе звучало столько боли, что я невольно прониклась. Может, он и правда не так плох? Может, его терзает не ревность, а страх за Кристину?

— Мне жаль, — произнесла я. Снова вышло сухо, почти равнодушно, но Дмитрий кивнул. — И простите, что плохо думала о вас.

— Ничего, — мотнул он головой, прикрывая глаза. Уголок губ дёрнулся, будто он хотел улыбнуться, но не смог. — Кристина говорила, что на самом деле вы совсем не такой сухарь, как кажется со стороны. Она считает вас доброй и хорошей, но не очень счастливой...

— Она хорошо разбирается в людях, — кивнула я, сделав вид, что не заметила, как ловко Дмитрий отзеркалил мой выпад. А он, оказывается, не дурак! Давно я так не ошиба-

лась в людях.

— Согласен, — открыл он глаза.

Рывком отлепился от стены, полез во внутренний карман, покопался там и достал два узких, ярко раскрашенных билета. Протянул их мне:

— Вот... Кристина просила отдать вам. Сказала, что вы не должны пропустить спектакль только из за того, что она не может поехать с вами. Но вы можете взять с собой когонибудь другого.

Я машинально взяла оба билета.

— Я не могу вас отвезти — должен быть рядом с ней, — продолжил он. — Поэтому вам придётся добираться на автобусе. Но Кристина предупредила брата: он встретит вас на вокзале и отвезёт на квартиру. Позвоните ему, когда будете выезжать...

Дмитрий протянул мне клочок бумаги с номером, написанным почерком Кристины.

— Спасибо, — мой голос дрогнул.

Он ушёл. Я положила билеты на прикроватную тумбочку и легла. Сон пропал: мысли кружились по кругу, заставляя таращиться в темноту, словно там прятались ответы на все вопросы.

Я думала о том, что Кристина снова беременна. Врачи запрещали ей рожать, здоровье слишком хрупкое, может не выдержать. Но она так хотела стать матерью! Уже несколько лет они с Дмитрием пытались завести малыша. Это была их

третья попытка...

А я так и не решилась. Сначала боялась осуждения: во времена моей молодости внебрачные дети ложились чёрным, несмываемым пятном на репутацию женщины. Я не хотела рисковать карьерой.

Потом, когда нравы стали свободнее, сделала несколько попыток забеременеть от своих любовников. Но ничего не вышло. Всё надо делать вовремя — и рожать тоже.

Если бы получилось, сейчас моему сыну или дочери было бы уже за двадцать. Мне было бы кого взять с собой в театр. И моя жизнь не была бы столь бессмысленной и безрадостной, как сейчас.

Заснула я только под утро, вволю наплакавшись в подушку от жалости к своей несчастной доле. Вернуть бы всё... Сейчас я точно повела бы себя иначе: не стала бы верить досужим сплетням и поговорила с мужем, прежде чем рубить сплеча. Я многое изменила бы в жизни, если бы кто то дал мне второй шанс.

Проснулась по будильнику. Вчерашние переживания казались глупыми, даже немного смешными. Если бы не синяки под глазами, я бы о них и не вспомнила. Подумаешь, хандра напала! Сколько раз уже такое было — и сколько ещё будет.

Желать, чтобы жизнь сложилась иначе, глупо. Она сложилась так, как я сама её сложила. Нечего ныть и жалеть о прошлом, надо смотреть в будущее.

Сегодня, например, меня ждёт спектакль о девушке, судьба которой почему то напоминала мне мою собственную. Хотя ничего похожего между нами не было, кроме, пожалуй, глупой доверчивости. Я поверила любимым подругам, а Лариса Дмитриевна — любимому мужчине.

День пролетел в хлопотах. Я ходила в салон на укладку, накрутилась, оделась. До маршрутки, которая должна была отвезти меня в областной центр, решила доехать на такси. Ох, и не любила я это дело! Все таксисты — лихачи, которым плевать на безопасность, если можно заработать лишние сто рублей.

— Помедленнее, пожалуйста, — заметила я, садясь в машину. И добавила хмуро: — У меня достаточно времени, и я не тороплюсь закончить жизнь в автомобильной аварии.

— Не извольте беспокоиться, — хмыкнул таксист. — Доставлю вас куда надо в целости и сохранности.

Я кивнула, подумав, что он ещё слишком молод для таких фраз. Но развивать мысль не стала.

Капал мелкий осенний дождь. Конец сентября выдался прохладным и сырым. Я поплотнее закуталась в плащ и установилась на залитое слезами небес окно.

Снова вернулась к думам о предстоящем спектакле. Помню, давным давно, когда мы изучали пьесу в школе, финальный эпизод — выстрел Карандышева в свою невесту — вызвал у меня и одноклассников понимание и даже сочувствие. А решение Ларисы Дмитриевны взять вину на себя, сказав

всем, что она сама застрелилась, казалось искуплением за предательство.

Но сейчас я видела всё иначе. Прожив жизнь, я склонялась к мысли, что Лариса Дмитриевна не так уж и виновата. Ведь не только она провела ночь с любимым, Паратов тоже встречался с чужой невестой. Он знал, что у неё есть жених, а у него — своя невеста, которую он не собирался бросать.

Как и друг моего мужа знал, что тот встречался с сестрой, а не с любовницей. Но мерзавец воспользовался ситуацией и моей глупой доверчивостью точно так же, как Паратов...

— Мы не так уж и виноваты, — прошептала я, глядя в залитое дождём стекло, где отражалась я сама. — Просто судьба не дала нам второго шанса на счастье...

Визг тормозов автомобиля, выехавшего на встречную полосу, я услышала не сразу. А удар, закончивший мою жизнь, не почувствовала вовсе — как будто кто то поставил мою жизнь на паузу.

Глава 3

— Лариса Дмитриевна! Лариса Дмитриевна! — кто то настойчиво звал Ларису Дмитриевну и тряс меня за плечо.

Поначалу я решила, что задремала прямо в театре, во время спектакля. Но потом поняла: что то тут не так.

Во первых, я лежала в постели раздетая, а не сидела в зрительном зале в вечернем платье, туфлях на каблуке и с высокой причёской.

Во вторых, тело чувствовалось как то по другому... Я, пожалуй, не смогла бы объяснить это ощущение, даже если бы постаралась. Словно сняла тёплый, уютный, заношенный до дыр фланелевый халат и надела новую шёлковую пижаму: она холодила и скользила при каждом вздохе, слегка раздражая кожу непривычной гладкостью.

В третьих, левая щека горела огнём под чем то плотным и тяжёлым. Это нечто не позволяло пламени вырваться на свободу, заставляя его медленно пожирать мою плоть. Изматывающая боль пульсировала, отдаваясь в висках в унисон с сердцем.

Я застонала, и в тот же миг тон голоса изменился.

— Лариса Дмитриевна, — голос задрожал, наполнился слезами. А мне в рот полилась тонкая струйка жутко горькой жидкости. — Бедненькая вы моя, надо выпить лекарство... Доктор сказал, что иначе лихорадка вас убьёт...

Попыталась сплюнуть, но чьи то жёсткие пальцы безжалостно сжали мне нос, заставляя сглотнуть противную горечь. Я поперхнулась, закашлялась, и снова потеряла сознание от полыхнувшей в голове боли.

Следующий раз я пришла в себя вечером. Вокруг было совсем темно, лишь горела свеча на прикроватной тумбочке. Странно... Электричество выключили, что ли?

Я уже поняла, что нахожусь в больнице, хотя и не помнила, как сюда попала. Наверное, таксист всё таки устроил аварию и не довёз меня до вокзала. В голове царил кроваво-красный туман, перемешанный с огненной лавой, выжигавшей всё живое.

Повернуть голову не смогла, но скосила глаза в сторону свечи. В круге света на простом деревянном стуле сидела грузная женщина в старинной одежде и спала, уронив голову на объёмную грудь.

Я успела удивиться, что медсестра не в халате, и снова утонула в темноте беспамятства.

Так прошло несколько дней. Я просыпалась от настойчивого голоса, звавшего Ларису Дмитриевну, получала дозу горького лекарства. После того как я начала глотать его сама, боясь поперхнуться и вызвать вспышку отчаянной боли в голове, женщина перестала зажимать мне нос.

Постепенно мне удалось рассмотреть окружающее пространство. И это определённо была не больница. Комната, в которой я лежала, больше всего походила на жилище увле-

чѐнного антиквара: старинный интерьер без единой современной детали, множество мелочей из позапрошлого века, которыми весьма умело пользовалась женщина сиделка в таком же антикварном наряде.

Боль всё ещё терзала меня, безжалостно дѐргая за позвоночник, когда я пыталась пошевелиться. Но становилась тише, если я лежала неподвижно и дышала медленно и осторожно.

Почти каждый день ко мне приходил мужчина врач в белом халате. У него была борода клинышком и круглые очки с цепочкой, отчего он казался мне страшно похожим на Антона Павловича Чехова. Вот только звали его Пѐтр Андреевич.

Он тоже был фанатом старины: разбинтовав рану, рассматривал её через стѐклышко монокля, приговаривая, что я страшно везучая. Пуля прошла мягкие ткани и не задела кости черепа. И даже все зубы остались на месте. Шрам, конечно, останется, но его можно будет спрятать под волосами.

Я не понимала, при чём тут пуля, если я попала в автомобильную аварию. Но говорить всё ещё не могла. И я молча слушала слезливые причитания сиделки, которая умоляла Петра Андреевича сделать что нибудь для Ларисы Дмитриевны. И добавляла, мол, как же теперь бедненькая девочка замуж выйдет с таким лицом.

В такие минуты мне казалось, что эти двое, стоя надомной, говорят про кого то другого. Так их слова хотя бы об-

ретами какой то смысл. И я тоже стала жалеть девочку, которая, вероятно, лежала где то рядом.

Иногда к ней приходила пожилая грузная дама в пышном платье с глубоким декольте. Она громко и как то слишком наигранно всхлипывала, картинно прикладывала платочек к сухим глазам и деловитым голосом, который совсем не вязался с её показными страданиями, вопрошала у сиделки или доктора, как себя чувствует Лариса Дмитриевна. Получив ответ, тотчас же уходила, рыдая навзрыд, но так и не проронив ни слезинки.

Пару раз я видела и других родственников, навещавших мою соседку. Пожилой мужчина со следами былой красоты, сдержанный и по своему благородный. И молодой человек, которого сиделка назвала женихом Ларисы Дмитриевны. Женишок этот мне категорически не нравился. Чего стоила его привычка цепляться масляным взглядом за мою грудь, накрытую одеялом! Смотрел так пристально, словно я молодая девчонка, лежащая перед ним голышом, а не старуха семидесяти с хвостиком лет в больничной койке.

А ко мне так ни разу никто и не пришёл... С одной стороны, я понимала: близких родственников у меня нет, с дальними я давным давно прекратила всякое общение, а моя единственная подруга Кристина сама в больнице на сохранении. С другой, всё равно было немного обидно.

Через несколько дней, когда я смогла оставаться в сознании дольше, чем требовалось, чтобы поест и выпить горь-

кую микстуру, стала замечать ещё одну странность. Моё присутствие все игнорировали. Вся жизнь в комнате была сосредоточена исключительно на Ларисе Дмитриевне.

Нет, про меня не забывали: лечили и заботились. Два раза в день Пётр Андреевич самолично ставил уколы, после которых боль исчезала, оставляя необыкновенное ощущение лёгкости. Меня, правда, очень смущало, что он не использовал одноразовые шприцы, предпочитая антикварные медицинские инструменты. Но сил возмущаться и протестовать не хватало.

Меня поили лекарствами, кормили, обтирали тело влажной салфеткой, но никто и никогда так и не заговорил со мной. Даже по имени не называли. Если что то спрашивали, то непременно за компанию с этой девочкой.

— Как вы себя чувствуете, милочка? — задавал вопрос доктор, прикладывая антикварный стетоскоп к моей груди. И тут же забывал про меня, обращаясь к другой своей пациентке: — Лариса Дмитриевна, вам нужно потихоньку подниматься, чтобы не было застоя в лёгких.

— Пора ужинать, — подкатывала к кровати поднос с едой женщина сиделка и, засовывая ложку с кашей и мясом мне в рот, тоже говорила не со мной: — Лариса Дмитриевна, беденькая, вам надо хорошо питаться. Пётр Андреевич велел съесть всё до конца.

И так каждый день. Если бы я могла говорить, то непременно напомнила бы о себе. Но я могла только мычать.

Впрочем, Лариса Дмитриевна за всё время тоже не проронила ни единого слова.

Глава 4

В тот день я впервые почувствовала себя сносно. Боль в голове утихла, опустившись на пару тонов; рана на лице перестала пульсировать в такт сердцу, сводя с ума монотонным биением, похожим на удары кузнечного молота по оголённым нервам.

Сиделка обтёрла меня влажной салфеткой, не прерывая разговора с моей соседкой, и уже собиралась уйти, когда я смогла прошептать:

— Меня зовут Ангелина Егоровна...

Я смотрела прямо в глаза сиделки и чётко увидела, как её зрачки расширились. Она выронила влажную салфетку, всплеснула руками и рванула прочь, крича во всё горло:

— Ангелина Егоровна! Ангелина Егоровна!

Через несколько мгновений в комнату ворвалась та самая дама, которая прежде навещала Ларису Дмитриевну. Только теперь она не рыдала, картинно прикладывая платочек к глазам, а смотрела на меня недовольно, но твёрдо и уверенно.

— Лариса, — она присела на постель и обхватила мои ладони своими, словно пытаясь усилить контакт. Я ощутила, насколько мягка и нежна кожа на её руках, — дорогая, мне кажется, теперь ты понимаешь, до чего может довести приличную девицу вздорный характер. Зачем ты вообще взяла в руки пистолет?!

В этот момент в моей голове что то щёлкнуло. Лариса Дмитриевна, пистолет, жених... Внезапно я осознала: всё это время люди разговаривали именно со мной. Меня называли Ларисой Дмитриевной. Это ко мне приходил жених, плотоядно разглядывая моё тело. Не зря в первые дни оно казалось чужим и неудобным. А главное, рана на лице от пистолетной пули...

— Лариса Дмитриевна? — прошептала я в полном шоке. Неужели это правда, и моя мечта о втором шансе сбылась?! Но зачем тогда провидение поместило меня в тело героини спектакля?

— Дорогая, мне категорически не нравится твоё состояние, — взгляд Хариты Игнатьевны потемнел. — Доктор сказал, что нервное потрясение может сказаться на тебе не лучшим образом, но я считала, что Пётр Андреевич преувеличивает.

— В вы м моя мама? — на всякий случай уточнила я, пропустив мимо ушей её тираду. В голове шумело слишком сильно от осознания произошедшего. — Харита Игнатьевна Огудалова?

— Да, дорогая, — кивнула вдова средних лет, мечтавшая пристроить всех своих дочерей в хорошие руки. Но тут же нахмурилась: — Огудалова?!

— Значит, это правда... Вы моя мать — Харита Игнатьевна Огудалова... А я — Лариса Дмитриевна Огудалова, — прошептала я. — Бесприданница...

Харита Игнатьевна не ответила. Резко поднялась и кивнула женщине сиделке, замершей в двух шагах и смотревшей на нас с ужасом:

— Отправь записку Петру Андреевичу. Скажи, что мы срочно хотим его видеть.

Сиделка — прислуга в доме моей матери, а не медсестра любительница старины — кивнула и тут же исчезла за дверью, бросившись исполнять приказ хозяйки. Харита Игнатьевна перевела взгляд на меня и мягко произнесла:

— Постарайся ни о чём не думать, дорогая. Сейчас придёт доктор и поможет тебе...

Я кивнула. Мысли в голове бурлили, как кипящая каша. Даже боль от раны стала казаться мелкой и незначительной по сравнению с тем, что произошло.

Если я действительно попала в пьесу, значит, Лариса Дмитриевна не умерла после того, как Карандышев выстрелил в неё со словами: «Так не доставайся же ты никому!». Но все думают, что она стрелялась сама, ведь именно это она сказала прибежавшим на звук выстрела людям.

И как только у мерзавца Карандышева хватает совести навещать Ларису Дмитриевну после того, что он с ней сделал, и по прежнему называть себя её женихом?!

Наверное, Харита Игнатьевна не знает о том, что случилось между Ларисой Дмитриевной и Паратовым, и всё ещё надеется «продать» свою дочь подороже, вот и привечает жениха, закрывая глаза на его проступок. Или знает, но шанта-

жирует Карандышева: если он не женится на её дочери, она откроет правду, и тогда судья сам окажется на скамье подсудимых.

А тот второй мужчина благородной внешности, вероятно, Кнуров... Приходил, чтобы получить свой выигрыш — обещанную девушку в качестве любовницы.

Меня слегка затошнило, когда я осознала весь расклад. Захотелось сбежать как можно дальше из этого змеиного логова. Впрочем, ещё не поздно... Пока у меня нет сил даже поднять голову. Но если мир без антибиотиков не убил меня до сих пор, значит, у меня неплохие шансы выжить и взять свою жизнь в свои руки.

Никто и никогда не будет решать за меня мою судьбу. Я твёрдо решила: мой жених ответит за своё преступление. Я всем расскажу, что это он стрелял в меня. Мерзавец Паратов, воспользовавшийся влюблённой девчонкой, обязательно будет наказан. А господин Кнуров обломится и пойдёт лесом. Я не собираюсь становиться содержанкой купца, даже если ему принадлежит половина Бряхимова, а он мечтает отвезти меня в Париж...

Глава 5

Пётр Андреевич явился довольно быстро. Не прошло и часа после визита Хариты Игнатьевны, как он торопливо вошёл в комнату, поставил объёмный лекарский кофр на низенький столик и уже знакомым движением распахнул его. Внутри аккуратными рядами выстроились бутылочки, баночки из тёмного стекла и крафтовые пакетики с порошками. Теперь то мне стало понятно, почему лекарства давали в виде микстур и разведённых в воде порошков: таблеток, скорее всего, ещё просто не существовало. А серебряный многоразовый шприц, который я считала антиквариатом, на самом деле был новейшим медицинским инструментом.

— И что у нас тут произошло? — Доктор присел на стул, который ему предусмотрительно подвинула служанка, и уставился на меня, придерживая стёклышко монокля пальцами. — Ваша матушка очень беспокоится... Как вы себя чувствуете, Лариса Дмитриевна?

— Хотелось бы лучше, — честно ответила я и сделала первый шаг к реализации своего плана. — Доктор, вы же видели мою рану. Скажите, разве я могла выстрелить сама в себя, чтобы нанести такое повреждение?

Пётр Андреевич растерянно захлопал глазами. Видимо, не совсем понял, о чём я говорю, — и я решила уточнить:

— Видите ли, доктор, я сказала всем, что стреляла сама.

Но на самом деле в меня выстрелил мой жених. Я отвергла его, отказалась выходить замуж после того, что случилось между мной и господином Паратовым, и Карандышев решил отомстить.

— Э э э, — заинтересованно протянул Пётр Андреевич.

— Вы уверены, что всё так и было?

— Разумеется, — твёрдо ответила я. — Я в этом абсолютно уверена. Но мне нужно, чтобы вы подтвердили в суде: я не могла нанести себе такую рану.

Осторожно дотронулась кончиками пальцев до повязки на лице:

— Вы должны помочь мне, доктор. Преступник должен сидеть в тюрьме.

— В этой части не могу с вами не согласиться, — кивнул Пётр Андреевич. — А в остальном, Лариса Дмитриевна, у вас ещё будет время во всём разобраться. Я пропишу вам успокоительные капли.

Он встал, погремел склянками и приказал служанке:

— Будете давать ей по двадцать капель трижды в день.

— Пётр Андреевич, — прошептала я, закрыв глаза, чтобы сэкономить силы, — ещё, пожалуйста, скажите моей матери: я никогда не выйду замуж за убийцу. Пусть она даже не думает привечать Карандышева в нашем доме. А господин Кнуров пусть даже не надеется сделать меня своей содержанкой. И в Париж я с ним не поеду.

— Конечно конечно, — торопливо заверил меня доктор.

— Я всё передам Ангелине Егоровне.

Он выскочил из моей комнаты так быстро, что я не успела спросить, при чём тут прежняя я.

Впрочем, если бы он даже ответил, я ничего не услышала бы. Наш короткий диалог вымотал меня совершенно, и я заснула, едва договорив.

Проснулась я, как всегда, к вечеру. В комнате царил полумрак, пахло свечным воском, старым домом и вонючей мазью, которую наносил на рану Пётр Андреевич. Кажется, я снова, как в первые дни, проспала и перевязку, и укол. Боль стремительно уходила, оставляя после себя приятную тишину.

— Думаю, — услышала я тихий голос доктора, — вы чересчур торопитесь. Не стоит принимать скоропалительных решений. Возможно, эти фантазии — всего лишь последствия обезболивающих инъекций. Я уменьшил дозу лекарства, чтобы снизить его влияние. И, полагаю, очень скоро Лариса Дмитриевна придёт в норму.

Шёпот второго человека я не разобрала, но ответ доктора услышала ясно:

— Да, я понимаю, ваша супруга слишком встревожена. Женщины, как вам известно, вообще склонны к истерии. Я выписал ей успокоительные капли и рекомендовал постельный режим.

Собеседник, которого я не видела и не слышала, снова что-то сказал, но я опять не разобрала ни слова.

— Разумеется, — тихо, но твёрдо ответил Пётр Андреевич, — я дорожу своей репутацией и буду молчать, что бы ни случилось с Ларисой Дмитриевной. Но всё же я настоятельно прошу вас подождать окончательного выздоровления. Тогда будет ясно, насколько сильно пострадал разум бедной девочки. И, повторяюсь, возможно, наши страхи совершенно напрасны.

Очень странный диалог. Утром я так и не могла вспомнить: слышала ли я всё это на самом деле или мне приснилось?

Но отношение ко мне со стороны прислуги кардинально изменилось. Служанка выглядела очень напуганной и смотрела на меня не отрываясь, словно боялась, что я могу совершить нечто ужасное. Она вздрагивала каждый раз, когда я просила её дать мне воды или помочь перевернуться. От постоянной неподвижности болело всё тело, и я переживала, что появятся пролежни.

Моя мать, Харита Игнатьевна, не заходила несколько дней, отговариваясь нездоровьем. Карандышев и Кнуров тоже больше ни разу не появились. Хотя, возможно, я просто не видела их.

Боль в щеке вернулась, такая же сильная, как в первые дни. И я снова лежала, стараясь не делать лишних движений и дышать медленно и размеренно.

Глава 6

Я была так сосредоточена на своей боли, что не заметила, как рядом со мной сменилась служанка. Полная женщина, которая часто плакала и причитала, жалея меня, исчезла. Вместо неё за мной начала ухаживать худая старуха, взиравшая на мои страдания с холодным равнодушием.

Её тощие, костлявые руки, однако, оказались куда более умелыми и сильными, чем у прежней сиделки. Она легко, словно я ничего не весила, переворачивала меня каждые пару часов. Ловко, без лишних движений кормила — ложка в рот входила с частотой метронома. Мне приходилось глотать как можно быстрее, чтобы не захлебнуться перетёртыми в пюре овощами или жидкими, разваренными кашами.

Новая сиделка не уговаривала меня принять лекарство. Она вообще никогда не произносила ни слова. Действовала проще: с силой приподнимала меня и безжалостно вливала в рот микстуру, разбавленную в половине стакана воды. Я пыталась оттолкнуть её руки, но быстро поняла: хватка у этой старухи железная. Не факт, что я справилась бы с ней даже будучи здоровой, а сейчас, как ни старалась, так ни разу и не смогла разжать ни одного её пальца. Зато она без стеснения удерживала мои запястья одной рукой, чтобы я не мешала ей делать то, что она задумала.

Все мои попытки заговорить или даже накричать, отстаи-

вая свои границы, игнорировались напрочь. Я чувствовала себя куклой, а не человеком. Пыталась пожаловаться доктору, который по-прежнему приходил ко мне каждый день, но он лишь радостно улыбался и говорил, что Груня — лучшая сиделка, которую он знает.

Как ни странно, рядом с этой жестокой старухой моё выздоровление резко ускорилось. Дней через пять, когда Харита Игнатьевна впервые решила навестить дочь после долгого перерыва, я встретила её сидя на постели. Да, по бокам у меня были подушки, помогавшие держать спину вертикально, но всё же я больше не лежала, расплывшись на простынях, как амёба.

— Дорогая, — матушка смотрела на меня обеспокоенно, — как ты себя чувствуешь?

— Отвратительно, — буркнула я. Груня только что впихнула в меня завтрак, наплевав на отсутствие аппетита и нежелание есть ту клейкую, склизкую бурду, в которую превратилась разваренная в мясном бульоне овсяная каша. Теперь у меня ныли запястья, а желудок казался набитым тяжёлыми камнями. — Эта сиделка — мерзкая, противная старуха, которая не видит во мне человека. Её надо немедленно уволить.

Харита Игнатьевна растерянно моргнула, но ответила:

— Хорошо, дорогая, как скажешь.

Её голос дрогнул, пропустив короткий всхлип. И тут я поняла: она никогда не притворялась, она на самом деле пла-

кала раньше и сейчас еле сдерживала слёзы. Наверное, расстроилась, что не получится выдать меня замуж за Карандышева...

— Дорогая, — голос моей матушки дрожал, — скажи мне, ты помнишь меня?

Теперь растерялась я и ответила немного резко:

— Ну разумеется. Ты моя мать. — Лицо матушки посветлело, на губах появилась робкая улыбка. — Огудалова Харита Игнатьевна, вдова обедневшего дворянина, которая после его смерти оказалась в трудной финансовой ситуации. Ты удачно выдала моих старших сестёр замуж и хотела пристроить меня в жёны Юлию... не помню его отчества... Карандышеву.

Услышав мои слова, Харита Игнатьевна побледнела, перестав дышать. А я продолжала:

— Но я была влюблена в господина Паратова и провела с ним ночь. Утром я окончательно отказала Карандышеву... И тогда он выстрелил в меня из пистолета. А я взяла вину на себя, потому что чувствовала себя виноватой и вообще думала, что после предательства любимого моя жизнь уже не имеет никакого смысла.

Харита Игнатьевна продолжала сидеть ни живая ни мёртвая, прикованная ко мне взглядом, полным отчаяния и обиды.

— Кстати, матушка, а ты знала, что господин Кнуров, который таскается сюда, женат и мечтает сделать меня своей

содержанкой? И Васенька Вожеватов тоже тот ещё подлец. Он ведь знал, что Паратов помолвлен, но ничего мне не сказал.

Я говорила и говорила, распаляясь, излагая всю подноготную поступков героев пьесы, в которой оказалась. Не зря готовилась к спектаклю, теперь могла разложить всё по полочкам, обнажить всю неприглядность ситуации, приведшей к трагическому выстрелу.

Матушка прониклась. Слёзы лились из её глаз, собирались на подбородке и капали на судорожно сжатые пальцы, сжимавшие тонкий батистовый платочек, на краю которого были вышиты инициалы А.Е.Б.

Я отчётливо различала эти буквы, но мне и в голову не пришло задуматься, почему они не совпадают с именем моей матери.

Харита Игнатьевна выслушала меня до конца. Она безмолвно плакала, смотрела на меня с отчаянной болью и пронзительным чувством вины. Почти не шевелилась, только грудь вздымалась от беззвучных рыданий, а пальцы с силой раздирали несчастный платочек на лоскуты. И лишь когда я устала от длинной обличительной речи и замолчала, откинувшись на подушки, моя матушка тихо скрипнула стулом, меняя положение.

— Дорогая, — прошептала она сквозь слёзы, — мне так жаль... Я расскажу всё отцу... И он примет решение...

— Отцу?! Какому отцу?! Мой отец умер, — напомнила я.

— Да-да, — прохрипела Харита Игнатьевна, поднимаясь со стула. И добавила шёпотом: — Конечно, дорогая. Ты во всём права... Во всём права...

Матушка выбежала из моей комнаты. А сиделка Груня, хмурясь больше обычного, протянула мне стакан с успокоительными каплями. После них меня всегда клонило в сон, и я засыпала. Но сегодня спать мне совсем не хотелось.

— Не надо, — попыталась отказаться я. — Я не хочу.

Но меня снова не услышали. Через несколько мгновений эта чёртова сиделка, прижав меня к постели всем телом, силой влила в рот горький отвар, заставив проглотить всё до капли. Ей было плевать на мои попытки вырваться, на крики и угрозы сделать так, чтобы она пожалела о своей жестокости.

Глава 7

— Она меня слышит? — мужской голос прорвался сквозь мутную пелену навязанного сна.

Я зло выдохнула. Ненависть к Груне бурлила во мне, как вода в кипящем чайнике. Хотелось прибить эту чёртову сиделку.

— Думаю, да, господин, — ответила она скрипучим старческим голосом, ещё сильнее распаляя мою ярость. Значит, она вовсе не немая, как я уже начала думать. Просто не считает нужным говорить со мной. — Но вряд ли она способна понять значение ваших слов. Такие больные только кажутся разумными, но на самом деле разума у них меньше, чем у младенца...

— Пётр Андреевич сказал, что ещё рано делать выводы, — мужчина явно был недоволен словами Груни.

— Поверьте, господин, — проскрипела эта гадина, — через мои руки прошло много сумасшедших... Я их с первого взгляда чую. Господь не даст соврать. К тому же ваша тёща...

— Замолчите! — перебил её мужчина, повышая голос. — Моя дочь совсем не похожа на мою тёщу. И если Пётр Андреевич сказал, что её фантазии могут быть вызваны обезболивающим лекарством, то я не вижу причин не верить его словам. И вам, Груня, настоятельно советую поступить так же.

— Простите, господин, — тут же повинулась старуха и замолчала.

А мужчина подошёл ко мне ближе, склонился надо мной и осторожно коснулся руки:

— Лариса, девочка моя, ты меня слышишь?

Я открыла глаза. Надо мной, глядя с беспокойством, тревогой и мягкой, ласковой отеческой любовью, стоял господин Кнуров. Я уже открыла рот, чтобы сказать, что я никакая не его девочка и пусть он вообще держится от меня подальше, как до меня дошло...

— Отец?! — выдохнула я поражённо. Всё как-то сложилось: слова Хариты Игнатьевны о том, что отец примет решение, подслушанный разговор между ним и Груней.

Он сдержанно улыбнулся. Морщинки на его лице сложились лучиками в уголках глаз, превращая холодного и бесчувственного господина Кнурова, того, кто хотел воспользоваться моим бедственным положением ради своих грязных целей, в другого человека. В того, от взгляда которого становилось теплее в груди, того, кто казался родным и близким...

— Да, дорогая, это я. Рад, что ты меня узнала... Мама очень напугана твоим состоянием, говорит, что ты считаешь её кем-то другим...

А у меня в голове царил полный хаос. Картина нового мира, которую я выстроила в своём сознании, стремительно рассыпалась. словно из искусно выложенной мозаики выпадали целые куски, превращая чёткий рисунок в набор непо-

нятных пятен и линий.

Я ведь была уверена, что попала в пьесу... Настолько уверена, что даже не рассматривала иных вариантов.

— Я бесприданница?! — прошептала я еле слышно.

Радость на лице отца исчезла, словно кто-то взмахнул волшебной палочкой. Он поднялся и ответил тихо, но твёрдо:

— Прости, дорогая, но я всё равно не могу отписать угольную шахту твоей матери в качестве приданого. Это единственный источник дохода всей нашей семьи, и если я отдам её, то мы все останемся без гроша в кармане. А нам ещё поднимать твою сестру и брата...

Я нахмурилась. Я вообще перестала что-либо понимать. Какая ещё угольная шахта?!

Тем временем отец продолжал:

— Но я уже отписал тебе поместье... Я понимаю, что земли там негодные, даже ячмень не каждый год родит. К тому же после отмены крепостного права разбежались все крепостные. Но это всё, что у меня есть... Прости, что не сумел дать тебе того, что ты заслуживаешь...

Он говорил ещё что-то: то ли уговаривал меня, то ли оправдывался перед собой или мной за то, что оставил дочь без достойного приданого. Но я его почти не слышала. Судорожно пыталась вернуть элементы мозаики на место, связать воедино разрозненные факты, которые оказались так далеки от моего представления о реальности.

Выходит, я не бесприданница, раз у меня есть поместье?

Но ведь моё новое имя — Лариса Дмитриевна. Его так часто повторяли, обращаясь ко мне, что я уже почти к нему привыкла... И жених этот... И рана на лице...

Нет, мать с другим именем я как-то могла уложить в свои представления о новой реальности. Но угольная шахта и отец, который почему-то не умер, никак не укладывались — выпадали из бытия, как лишние шестерёнки из часового механизма...

Наверное, что-то отразилось на моём лице, потому что вмешалась старуха:

— Господин, вам лучше уйти... Госпоже надо отдохнуть. Ей слишком сложно понять то, что вы говорите...

И в этот раз она была права...

— Да, конечно, — кивнул отец и послушно отступил назад, выходя из круга света от горевшей в моём изголовье свечи. Пламя взметнулось, и я увидела, как в его глазах блеснули слёзы. Этот мужчина, считавший себя моим отцом, плакал...

— До завтра, дорогая, — попрощался он сдержанно, так и не пропустив выступившую влагу в голос. Но я-то знала: сухие слова совсем не означают «сухие» чувства. Я ведь сама была такой же.

Я ничего не ответила. Во-первых, была слишком растеряна. Во-вторых, напугана — слишком уж моё нынешнее состояние напоминало сводящую с ума галлюцинацию. А в-третьих, вдруг подумала: может, я и правда сошла с ума? Мо-

жет, я на самом деле сейчас нахожусь в обычной больнице, а всё, что кажется мне реальностью, всего лишь горячечный бред?

И это объяснение выглядело куда правдоподобнее, чем попадание в пьесу.

Глава 8

Ночью я почти не спала, мучаясь от мыслей, тянущих в разные стороны, как рак, лебедь и щука. Они безжалостно раздирали мой разум на лоскуты, точно так же, как моя мать вчера терзала несчастный платочек.

С одной стороны, всё очень похоже на то, что в новой реальности я — бесприданница Лариса Дмитриевна. Всё на месте: и мать, мечтающая выдать меня замуж за богатого; и жених, глядящий на меня как на победный трофей; и даже рана на лице от пистолетной пули. Весь расклад — вот он, пожалуйста!

С другой, у этой Ларисы Дмитриевны есть отец, который её очень сильно любит. Я видела это в его глазах и уже не сомневалась: это точно не Кнуров. Потенциальный любовник никогда не смотрел бы на свою избранницу с нежностью и любовью, в которых нет ни тени сексуальной подоплёки. Так может смотреть только очень близкий мужчина — отец или брат.

С третьей, всё это могло оказаться горячечным бредом, родившимся в воспалённом мозге искалеченного в автомобильной аварии тела.

Впрочем, чем больше я думала, тем сильнее отвергала эту мысль. Во-первых, бред не мог быть таким реальным и осязаемым. Во-вторых, даже если допустить, что я лежу без

сознания уже несколько недель, настоящая реальность всё равно должна была как-то проявиться: голоса, не вписывающиеся в галлюцинацию, странные ощущения... Хотя что-то должно было насторожить! Но ничего этого не было. Был лишь смутно запомнившийся разговор. Теперь я понимала, что это отец беседовал с доктором.

— Госпожа, — Груня хмуро смотрела на меня, — вы не спали всю ночь...

Не знаю, с чего она вдруг заговорила со мной после стольких дней молчания.

— Ваш отец велел говорить с вами, — ответила она на вопрос, который так и не прозвучал. — Хотя я думаю, это бесполезно. Ваш разум не способен понять мои слова...

— Я не сумасшедшая, — возразила я и добавила: — Я просто немного запуталась. Но если вы мне поможете...

А что? Это лучший вариант. Судя по всему, сиделку прислал Пётр Андреевич, а он утверждал, что она лучшая. Вероятно, умение не болтать лишнего входит в её обязанности, вряд ли кому-то из дворянских родов нужна огласка в таких непонятных ситуациях.

— Чем же я вам помогу? — усмехнулась старуха. — Я могу только подать судно, обтереть вас и проследить, чтобы вы выпили лекарство...

— Расскажите мне... что-нибудь, — поправилась я. Изначально хотела попросить сиделку поведать о моей семье, но испугалась, что она подумает, будто я ничего о них не пом-

ню, как сумасшедшая.

— Да что вам рассказать-то? — удивилась Груня, но всё же начала: — Вы в точности как ваша бабка. Я ухаживала за ней десять лет назад. И ещё тогда говорила себе: «Приглядишь, Груня, к младшенькой дочке господина Бехтерева»

Бехтерева?! Я на миг отвлеклась от рассказа Груни, вспомнив вышитые буквы на платочке и крик той первой служанки: «Ангелина Егоровна!» Я-то думала, это она моё настоящее имя выкрикивала. А выходит — материно. Значит, моя матушка — Бехтерева Ангелина Егоровна.

— Уж больно вы на бабку свою похожи, — продолжала бубнить Груня, присев на край кровати. Ей явно хотелось поговорить, она так увлеклась, что забыла о привычных утренних процедурах. — Она тоже была красotka, каких поискать. И такая же шустрая и беспокойная, как вы. Только с головой совсем не дружила. Покуда дедушка ваш жив был, ещё куда ни шло. Любила его бабка ваша. И он её очень любил. Почитай, супротив родительской воли поженились. Она девка богатая была, с приданым, не то что ваш дед — голодранец без гроша в кармане. Хоть и дворянин...

Сиделка перевела дух и, вздохнув, добавила:

— Дочка у них родилась, матушка ваша. И тоже в мужья себе голодранца выбрала.

Она вдруг застыла на миг, затем резко подскочила и зататорила:

— Ой, заболтала я вас, госпожа! Негоже про господ такое

говорить... Ох и дура же я...

Повинилась, взглянула на меня и выдохнула:

— Хорошо хоть, в голове у вас ничего не держится... Точь-в-точь как у бабки вашей. Поди, уж и забыли, что я вам тут распиналась?

Я машинально кивнула. Пусть сиделка не переживает о своих словах. Мне не нужны её оправдания, только информация без цензуры и время уложить в голове то, что я узнала о своей нынешней семье.

Выходит, моя бабка вышла замуж за обедневшего дворянина, но по большой любви. У неё было приданое, как минимум та самая угольная шахта, о которой говорил отец. После смерти деда, когда я была мала, бабушка сошла с ума. Мои родители отлично это помнят и, очевидно, боятся повторения ситуации.

Ещё я вспомнила панический страх в глазах служанки. Та действительно испугалась, подумав, что у меня «поехала крыша».

— Но вы всё же спокойная, — Груня, словно отыгрываясь за долгое молчание, говорила без перерыва. — А вот бабка ваша буйная была. Чуть отвернёшься, глядь, уж и нет её. Уже сбежала. По всему дому бегала, а ежели кто на глаза попадётся, то ударит, или пнет... И хохочет, заливается... А если нож найдёт или топор где ухватит, так и вовсе приходилось городских на помощь звать: или себя, или кого другого поранит...

Она на миг замолчала, словно раздумывая, говорить или нет. Но всё же решилась:

— Хорошо, что у деда вашего пистолета не было... Батюшка ваш очень себя винит... Слышала я, как дитя малое рыдал, когда узнал, что с вами случилось...

— А что со мной случилось? — машинально спросила я.

— Ну так... — Груня вздохнула. — Вы как отцовский пистолет нашли, так стали баловаться... Матушку пугать... В братца младшего и сестрицу целиться... Говорить, мол, если их не будет, стало быть, все богатства вам достанутся. А потом случайно на курок нажали... И вот...

Она развела руками.

Глава 9

Груня оказалась страшной сплетницей и ужасной болтушкой, стоило ей понять, что откровения не выходят за пределы комнаты. Никакой системы в её рассказах не было: то она делилась чем-то действительно важным, то целый день рассуждала о том, что дочь кухарки собралась замуж за конюха, который ей совершенно не подходит, слишком хорош для такой дурочки.

Приходилось вылавливать информацию по крупицам. Тем не менее постепенно я узнала, что мой отец, Бехтерев Дмитрий Анатольевич, принадлежит к обедневшему дворянскому роду. Всё его имущество — усадьба где-то в глуши под Саратовом.

Матушке в наследство досталась угольная шахта. «Не бог весть какое богатство», — говорила Груня. Но позволяет семье жить без особой нужды. Дом в Москве у нас довольно большой, однако своего выезда нет, и отцу приходится добираться до службы на извозчике. Матушка от этого очень страдает, но, как ни старается, выкроить денег на содержание лошадей и кареты не получается. Особенно сейчас, когда нужно оплачивать пансионат для пятнадцатилетней сестры и учёбу в университете для семнадцатилетнего брата.

Я вернулась из пансиона два года назад. Очень быстро нашла жениха: молодого, но перспективного сотрудника импе-

раторской канцелярии. У него были и титул, и деньги, что очень нравилось моим родителям. А вот его родители смотрели на наш возможный союз без особого энтузиазма: по их мнению, невеста была ужасающе бедна. Потому я вбила себе в голову, что отец должен отдать мне в качестве приданого угольную шахту, и целый год изводила его требованиями.

Это порождало жесточайшие споры в семье: один из них и привёл к трагедии.

Поначалу жених навещал невесту, но после того, как его пару раз не пустили ко мне в комнату из страха, что он узнает о моём сумасшествии, перестал являться даже по приглашению, отговариваясь занятостью.

Это беспокоило матушку: она очень переживала за моё будущее. Груня слышала, как ее горничная говорила, мол, госпожа места себе не находит с тех пор, как случилась беда с её старшей дочерью. Матушка боялась, что жених откажется от сумасшедшей невесты.

Прошло ещё около двух недель, прежде чем мне сняли повязки с лица. Я по-прежнему лежала почти без движения и могла сесть лишь с помощью Груни. Кормить меня всё ещё приходилось с ложечки, руки слушались очень плохо.

Пётр Андреевич хмурился: он не понимал, почему такая пустяковая рана, которая давно затянулась, привела к столь тяжёлым последствиям.

Я догадывалась, что причина не в ране, а в том, что тело для меня чужое, но молчала. Я вообще всё больше молчала,

особенно после того, как несколько раз попала впросак, показав свою чуждость.

Например, когда я попросила Груню принести мне что-нибудь почитать, тут же прилетела матушка с вопросом, всё ли со мной в порядке. Прежняя Лариса Дмитриевна терпеть не могла чтение и брала в руки книги лишь по большой необходимости. Даже её молитвенник валялся где-то в тёмных недрах огромного шкафа.

Впрочем, этот момент оказался мне на руку: никто не заподозрил неладное в том, что я не молилась и не выказывала должного почтения Господу, хотя остальная семья была весьма набожной.

В другой раз я потребовала принести на завтрак капучино вместо кофе со сливками. Меня не поняли: оказалось, что кофе со сливками и есть «капучинер», а про взбитое молоко здесь слыхом не слыхивали.

Таких мелочей было много. Я старалась не просить ничего, чего не могло быть в какие-нибудь средние века, но всё равно часто промахивалась. Быстро поняла: лучше молчать и ничего не просить, да и вообще ничего не делать. Потому что улыбалась и поворачивала голову я тоже не так, как раньше. Это нервировало моих близких, укрепляя их подозрения о моём душевном нездоровье, и меня тоже. Появился страх, что окружающие очень быстро догадаются: я не та, за кого себя выдаю.

О том, что мне грозит в таком случае, я думать не хотела.

Вряд ли что-то хорошее.

Между тем слухи о моём сумасшествии, вопреки стараниям отца и доктора, стали просачиваться наружу и расплзаться по салонам столицы. Поначалу шепоток звучал тихо и не особенно осложнял нам жизнь. Но постепенно голоса становились громче и слышнее, вызывая у родителя вполне обоснованное беспокойство.

Отец старательно скрывал от нас наличие такой проблемы: ни я, ни мама ни о чём не догадывались. Гром разразился примерно через два месяца после моего появления в новом мире, когда дни стали ощутимо короче, а утра — холоднее. До того, как прислуга растапливала печи, я мёрзла даже под пуховым одеялом, хотя до зимы было ещё далеко.

Отец зашёл ко мне в комнату сразу после обеда. Обычно он навещал меня по вечерам, а я притворялась уставшей, чтобы визит не затягивался. Несмотря на его доброе отношение и тепло в душе по отношению к нему, я всё равно боялась и не доверяла.

Как назло, в тот день я чувствовала себя скверно: шрам невыносимо зудел, в голове били колокола, а тело казалось слегка онемевшим, непослушным и ещё более чужим, чем обычно. Такое случалось нечасто, но подобное состояние неизменно откатывало моё выздоровление на несколько дней назад. Единственным средством от этой уничтожающей боли был обезболивающий укол, и я отправляла Петру Андреевичу записочку с просьбой о помощи.

— Лариса, дорогая, — отец присел в кресло и тяжело вздохнул, — сегодня утром пришло письмо от барона...

Бароном у нас называли моего будущего свёкра.

— Что ему нужно? — равнодушно спросила я.

Проблему предстоящего замужества за незнакомым человеком я пока не воспринимала как существенную. По сравнению с физическим здоровьем она казалась далёкой и чересчур мелкой, чтобы обращать на неё внимание. К тому же жених в последнее время не докучал визитами, и я почти забыла о его существовании.

Отец снова вздохнул и взглянул на меня виновато:

— До него дошли слухи о твоём... — он запнулся, — нездоровье.

— И что? — спросила я с той же интонацией.

Мне это было не особенно интересно. Больше всего хотелось выгнать отца из комнаты, попросить Груню зашторить окна, чтобы как можно меньше света проникало внутрь, и замереть, свернувшись калачиком в позе эмбриона. Но я чувствовала: пока он не договорит, будет сидеть рядом. А голова так сильно разболелась, что ни о чём другом я думать не могла.

Отец вздохнул в третий раз и честно ответил:

— Они отказались от помолвки... Мне очень жаль.

Глава 10

Отец ушёл. Выглядел он растерянным и обескураженным, словно ждал от меня иной реакции, нежели равнодушное «Хорошо».

А я забыла о причине его душевных терзаний уже через минуту, сосредоточившись на своих физических страданиях. Велела Груне отправить записочку Петру Андреевичу, чтобы он пришёл как можно скорее. Я хотела попросить его сделать еще один обезболивающий укол. *(К сожалению, я не могу назвать самое распространённое средство для облегчения боли, которое использовали в медицине в конце XIX века, но именно этот препарат стал причиной последующих радикальных решений.)*

В последнее время доктор всё чаще отказывал мне в этой просьбе. Объяснял, что рана уже зажила, а боль, которую я испытываю, вовсе не физическая.

И сегодня, выслушав мою просьбу, он нахмурился:

— Лариса Дмитриевна, мне кажется, вы стали злоупотреблять моим хорошим к вам отношением. Не стоит так делать, — укоризненно вздохнул он, откинувшись на спинку стула, заботливо подставленного Груней. Доктор не признавал мягкие кресла, утверждая, что это вредно для спины. — Рана совсем затянулась, и ваше состояние не настолько тяжёлое, чтобы вы не могли обойтись без укола.

— Вы не понимаете, — простонала я, прикрыв глаза: даже тусклый свет, пробивавшийся сквозь задернутые шторы, вызывал резкую боль. — У меня страшная мигрень. Поможет только ваше волшебное лекарство!

— Раньше, до несчастного случая, вы не страдали головными болями, — обеспокоенно взглянул на меня Пётр Андреевич. Чуть привстав, пощупал приятно-прохладной ладонью мой лоб и задумчиво добавил: — Возможно, пуля повредила лицевой нерв...

— Скорее всего, — отозвалась я шёпотом. — Пожалуйста, доктор, помогите...

— Пётр Андреевич, — бесцеремонно вмешалась в нашу тихую беседу Груня. Когда доктор посмотрел на неё, выпалила: — Сейчас батюшка её приходил. Сказал, что господин барон разорвал помолвку...

— Это правда, Лариса Дмитриевна? — спросил он.

— Угу, — отозвалась я. — Только какое это имеет отношение к моей мигрени, Пётр Андреевич?

И снова вмешалась Груня:

— Они велели закрыть окна и позвать вас сразу, как ушёл их отец, — заявила она.

— И что?! — фыркнула я и повторила: — Какое это имеет отношение к моей мигрени?

— Лариса Дмитриевна, — в голосе доктора прозвучало сочувствие, — мне жаль, что вас так расстроило случившееся... Но, как я и говорил, вас мучает не физическая боль, а

душевная. И лечить её нужно совсем другими способами... Я не стану давать вам обезболивающее.

— Пётр Андреевич, — я начала нервничать, — разве я много прошу? Всего лишь один укол...

— А сегодня утром, — опять влезла Груня, — матушка Ларисе Дмитриевне дамский журнал принесла. Так она его читать не стала, а попросила газету ей принести. И читала!

— Груня! — зарычала я. Вот ведь ябеда! И главное, не понятно, почему после её слов глаза Петра Андреевича подозрительно округлились. Это явно неспроста. Я опять прокололась на какой-то мелочи. До вчерашнего дня я газет не просила, просто не задумывалась о них... Решила заступиться за себя: — Да, читала! Должна же я знать, что в мире происходит. Что тут такого?

— А потом ещё фыркала, — Груня никак не унималась, — говорила, что надо пойти на бесстыжевские курсы!

— Бесстыжевские курсы?! — ошеломлённо округлил глаза доктор и растерянно взглянул на меня. — Лариса Дмитриевна?!

— А вы, Пётр Андреевич, больше Груню слушайте, — буркнула я. — Она вам ещё и не такое скажет...

Шокированный доктор продолжал смотреть на меня, растерянно моргая. Я пояснила:

— Не бесстыжевские, а Бестужевские. В газете новость была, что в Питере в Александровской гимназии открыли Высшие курсы для женщин, которые возглавил Бестужев. —

И ляпнула прежде, чем сообразила, что именно говорю: — Моя прабабка там училась...

Меня словно ледяной водой окатило. Я замолчала, вытаращившись на доктора, прикусила язык до крови и замерла в ожидании его реакции. Но он был настолько ошеломлён «бесстыжескими» курсами, что ничего не заметил.

Так мы и сидели молча... Минуты три, не меньше. Потом Пётр Андреевич очнулся первым:

— Кхм, — прокашлялся он и встал, — мне надо срочно поговорить с вашим отцом, Дмитрием Анатольевичем...

Стремительно умчался из комнаты, забыв свой кофр, который разложил на столе. Груня тут же подорвалась, сгребла все пузырьки и склянки, подхватила кофр и рванула вслед за доктором, отчаянно крича.

А я расстроено сползла вниз с подушек... Надеюсь, меня не сожгут на костре, как какую-нибудь еретичку. Или не убьют каким-нибудь другим способом. Всё же Зоктября 1878года (дату я подглядела в газете) — это не пятнадцатый век. А Российская империя — не Европа.

Зато мигрень прошла. И без укола.

Глава 11

Отец с матерью примчались через полчаса. И это даже хорошо: я не успела накрутить себя до полного отчаяния, хотя уже двадцать раз мысленно попрощалась с жизнью.

Матушка рыдала громко и отчаянно. Плюхнувшись в кресло, она закрыла лицо ладонями. Плечи её тряслись, а сквозь сжатые пальцы прорывались всхлипы, в которых при должном старании можно было различить слова молитвы.

Отец присел на край кровати. Бледный, резко осунувшийся, он сжал мою ладонь и молча смотрел на меня. А я не могла поднять на него глаза: мне казалось, что в его взгляде я увижу смертный приговор.

Наконец, когда молчание, прерываемое лишь слёзной молитвой матери, стало невыносимым, отец заговорил:

— Лариса, девочка моя, мне очень жаль, что всё так случилось... Но я принял решение. И Пётр Андреевич поддержал меня. Сказал, что это лучший выбор для тебя.

Я сжала губы, чтобы не сказать чего-нибудь необдуманного, и всё-таки взглянула на отца. Замерла, ожидая вердикта. Он слегка поежился под моим тяжёлым взглядом и, глубоко вздохнув, продолжил:

— Ты отправишься в лечебницу как можно быстрее.

— В лечебницу?! — перебила я, и сердце в груди заколотилось от ужаса. — Ты хочешь упечь меня в психушку?!

— В лечебницу, где лечат душевные расстройства, — подтвердил мои опасения отец. Натянуто улыбнулся: — Тебе там будет хорошо. Там тихо и очень спокойно. А ещё там очень хорошие врачи...

— Они погубили мою мать! — сквозь рыдания выкрикнула матушка. — Теперь ты хочешь отдать им и мою дочь!

Я удивлённо и растерянно взглянула на неё. Ни разу я не поинтересовалась, что стало с моей бабушкой после того, как её сумасшествие начало угрожать окружающим. Хотя все вокруг давно проводили параллели между нашими состояниями, сама я этого не замечала. И даже не думала, что меня ждёт такая же судьба...

— Агнелина, дорогая, — отозвался отец, — ты знаешь, что всё было не так... Рвотное и слабительное ещё никому не навредили. И твоя мать чувствовала себя гораздо лучше... Лечение успокоило её. Она перестала доставлять проблемы.

— Они убили её! — закричала мать. — Убили! Ты же знаешь!

Отец тяжело вздохнул:

— Это был несчастный случай. Клизмы с хлораргидратом получали все пациенты лечебницы. Твоей матери просто не повезло.

Он держал меня за руку и успокаивал мать, не замечая, как каждая его фраза заставляет меня округлять глаза от удивления и страха. Рвотное?! Слабительное?! Клизма с какой-то дрянью, которая убила мою бабушку?!

Мне стало плохо. Тошнота подкатывала к горлу, хотелось исчезнуть, сбежать...

Но отцу, казалось, было мало. Он продолжал говорить, успокаивая мать и ещё сильнее пугая меня:

— Ты сама слышала: Пётр Андреевич сказал, что лечебница приобрела новую установку, которая лечит нервы с помощью электричества... Это новейшая методика с отличными результатами. Не пройдёт и пары месяцев, как Лариса придёт в себя и вернётся домой...

Электричество?! В голове зашумело. Адреналин хлынул в кровь, заставляя сердце выпрыгивать из горла и даря смелость и силы на то, на что ещё пять минут назад я была не способна.

— Нет, — тихо ответила я и выдернула руку из ладони отца. — Я не поеду в лечебницу. Никогда и ни за что. Если вы так хотите избавиться от меня, то скажите, и я просто уйду...

— Ну куда ты уйдёшь, дорогая?! — истерически выкрикнула мать, всплеснув руками. — На улицу?!

— Хотя бы туда, — тихо и твёрдо ответила я. — Лучше сдохнуть в подворотне, чем мучиться на электрическом стуле. Вы вообще в курсе, что очень скоро таким способом будут казнить самых жестоких преступников?!

— Ты преувеличиваешь, — нахмурился отец. Он тоже не заметил, что я в очередной раз допустила ошибку, выдавая себя. — Лечебница — это лучший выбор для тебя... Это

очень тихое место с хорошим уходом и всеми удобствами...

— Выбор?! — Я медленно поднялась на постели. Адреналин, плескавшийся в крови, выжигал всё, что оставалось во мне чужого. Проникал в каждую клеточку организма, помогая принять это тело как своё собственное. — Нет, отец, это не выбор. Выбор — это другое. А то, что вы собираетесь сделать со мной, называется жестокостью и садизмом.

— Лариса! — возмутился он, пытаясь меня перебить. Но я не позволила.

— Я ни за что не поеду в лечебницу, — отрезала жёстко. Мой голос звенел, наполняясь металлом. Впервые за всё время в этом мире я чувствовала себя собой. Только сейчас осознала, что всё это время жила закутанная в тонкую полупрозрачную пелену, которая мешала мне полностью принять новый мир вокруг. Отсюда — слабость, болезненность, сонливость и желание избавиться от ощущения нереальности с помощью «волшебного» укола. — И если ты говоришь о выборе, то должен быть ещё один вариант. Иначе все твои слова — ложь!

— Другой вариант?! — рявкнул отец. Ему явно не понравилось моё сопротивление. Он тоже потерял терпение и вспылал. — Ты хочешь другой вариант?!

— Да, — кивнула я. — Хочу...

— Хорошо, — голос отца звенел металлом ничуть не хуже моего. — В таком случае ты можешь сделать выбор: либо отправиться в лечебницу, либо — в своё поместье! Одна!

Без денег и прислуги!

— Отлично, — кивнула я. — Значит, я выбираю поместье. Ты дашь мне время на сборы или мне уйти прямо сейчас?!

Я была так зла, что, если бы отец сказал уйти прямо сейчас — в одной ночной сорочке и босиком, — я бы ни секунды не сомневалась. Встала бы и ушла.

И он был зол на меня точно так же. Я видела это по его глазам.

— Дмитрий! — неожиданно на помощь пришла мать. — Если ты выгонишь дочь из дома, то я уйду вместе с ней. Подам на развод, заберу детей и...

Она не договорила, замолчала. Но я ясно услышала то, что не было произнесено: «угольную шахту»... Это ведь её имущество, её приданое. И отец не имеет никакого права претендовать на эти доходы...

И он отступил. Хотя, справедливости ради, возможно, слова матери не сыграли той значительной роли, которую я им приписала. Возможно, эта вынужденная пауза дала время выплеснуть гнев и немного успокоиться.

— Хорошо, — произнёс отец тихим ледяным тоном, от которого зябкие мурашки побежали по телу, остужая и мою злость. — Раз ты сделала такой выбор, у тебя есть неделя на сборы. А через неделю ты сядешь в поезд и уедешь.

— Договорились, отец, — склонила я голову.

Глава 12

Отец стремительно выскочил из моей спальни. За ним, бросив на меня умоляющий взгляд, умчалась мать. А я осталась одна — если не считать замершей за пределами светлого круга от расставленных рядом с кроватью свечей Груни.

Медленно подойдя к окну, я одёрнула плотную штору и выглянула наружу. На стекле, словно в полупрозрачном зеркале, отражалась я — хрупкая темноволосая девушка с симпатичным лицом и маленьким, но заметным шрамом на левой щеке. Доктор был прав: шрам легко спрятать под волосами.

Большие глаза, тонкая шея, острые ключицы, выглядывающие из-под ворота широкой ночной сорочки... Я впервые видела новую себя целиком. Одного взгляда хватило, чтобы понять: за моей спиной — поколения благородных предков, которым не приходилось тяжело работать, чтобы прокормить себя и свою семью.

Но я не они. Свою жизнь и свободу я готова выгрызть зубами. Поеду даже в чёртово поместье — если я правильно помню, оно находится в какой-то глуши.

Конечно, я предпочла бы остаться в городе: здесь больше работы. Особенно для молодой девушки с сорокалетним опытом в финансах. Такого специалиста любой купец или фабрикант оторвёт с руками и ногами. Но сейчас лучше не

противиться отцу. Время другое — не то, к которому я привыкла в прошлой жизни. Здесь женщина имеет ровно столько свободы, сколько готов ей отдать мужчина: отец или муж.

Я уже продавила отца, вынудив изменить решение. Излишняя настойчивость может обернуться против меня.

Главное — подготовиться. Разузнать побольше о поместье: сколько там земли, в каком состоянии дом. Подумать, где взять денег на первое время. Потом я найду способ заработать на жизнь. Буду выращивать овощи, заведу кур... Пусть я городской житель и никогда не держала в руках лопату, но не боги же горшки обжигают. Справлюсь. Уж себя точно прокормлю. Наверное...

Зато не попаду на электрический стул. О том, как жестоко обходились с душевнобольными, я читала, но никогда не думала, что сама могу оказаться в ситуации, когда мне будет угрожать жуткое «лечение».

— Госпожа, — тихо подошла сзади Груня, — вам спать пора. Режим нельзя нарушать, а то завтра будете не в себе.

Я развернулась и уставилась на сиделку. Сейчас, когда я стояла на своих ногах, оказалось, что она едва достаёт мне до плеча. И вовсе не такая грозная. Более того, у меня появилось чувство, что я легко справлюсь с ней, если старуха вдруг вздумает принудить меня к чему-нибудь силой — как раньше.

Вспышка ярости не прошла даром. Я чувствовала новое тело своим, словно наконец разобралась в переплетении нер-

вов и мышц и «надела» его правильно.

— Госпожа... — Груня удивлённо моргнула и отступила на шаг. — Пётр Андреевич будет недоволен...

— Главное, — усмехнулась я, — чтобы я была довольна. Прежде чем Груня успела что-то ответить, я приказала: — Подай мне халат и отведи в библиотеку. Хватит валяться — пора брать жизнь в свои руки.

— Я не могу... Ваш папенька будет недоволен, — сиделка решила пойти другим путём. — Он велел не выпускать вас из вашей комнаты.

— Тогда я сама найду то, что мне нужно, — решительно отодвинула я Груню и шагнула к двустворчатому шкафу, где висела моя одежда.

Сдёрнув с крючка первый попавшийся балахон, который сочла подходящим для ночной прогулки по дому, я накинула его на плечи. Повернувшись к сиделке, улыбнулась:

— А если ты пожелаешься отцу, то я найду способ сделать так, чтобы ты никогда не забыла эту неделю до моего отъезда. Ты поняла?

В глазах Груни мелькнуло что-то — растерянность пополам с удивлением. Она сделала шаг назад и склонила голову:

— Как скажете, госпожа...

Потом, не поднимая взгляда, добавила:

— Библиотека через две двери направо по коридору. И вам лучше взять свечу с собой...

В библиотеке я провела половину ночи и выяснила следу-

ющее.

Во-первых, этот мир не был нашим прошлым, хотя оказался очень похож. Да, Российской империей правил Александр Второй, а большинство знатных родов носило знакомые фамилии. Однако на востоке территории империи заканчивались на берегах Волги. За великой русской рекой располагалась ещё одна большая страна — Тартария, граничившая с Китаем.

Казахстан оказался чуть больше и назывался Казахским ханством. Никакой Монголии на карте и в помине не было — как и многих других государств.

На западе Россия занимала половину современной Европы, разделив её с Германией (в которую входили наши Румыния, Сербия и Черногория) и Османской империей, захватившей всё остальное.

Со всеми соседями уже почти сто лет, то есть со времён Павла Первого, были заключены мирные договоры, которые соблюдались всеми сторонами. Да, изредка случались стычки на границах, и некоторые приграничные территории за этот век переходили из рук в руки. Но в основном границы оставались там же.

В остальном история наших миров отличалась не особенно сильно. Я не большой знаток исторических фактов, но восстание декабристов 1825 года было и тут. Отмена крепостного права в 1861 году прошла точно так же, как у нас: крестьян освободили, но землю они должны были выкупать

за деньги, которых у них не было. Фактически ничего не изменилось — кроме того, что прекратилась торговля людьми. Лишь в некоторых деревнях, где помещики особенно лютовали, население полностью разбежалось.

Ничего конкретного про своё поместье я не узнала. Впрочем, вряд ли эта информация вообще хранится в библиотеке. Скорее всего, все документы находятся у отца. Я решила, что завтра непременно поговорю с ним о моём будущем месте жительства.

Глава 13

Но утром поговорить с отцом не получилось. После ночного бдения в библиотеке я проспала почти до обеда. Груня пыталась впихнуть в меня завтрак, как обычно не обращая внимания на мои желания. Но стоило ей тронуть меня, как я, не открывая глаз и не отрывая головы от подушки, рывкнула на неё — и она тут же отстала, дав мне выспаться.

Встала я ближе к обеду и велела Груне приготовить ванну. Хватит обтираний — я человек, а не котёнок. К счастью, в нашем доме уже были водопровод, горячая вода и канализация, так что я с удовольствием смыла с себя двухмесячную грязь и пот.

Одеваться мне помогла сиделка — тут её помощь оказалась как нельзя кстати. Одежда здесь совсем непривычная, а в ворохе нижнего белья можно утонуть. Сначала мне казалось, что, надев на себя все эти тряпки, я стану похожа на колобка. Но, как ни странно, три нижние юбки не превратили меня в бабу на самовар — смотрелись вполне органично. Смущало лишь непривычно глубокое декольте у повседневных домашних платьев. Вряд ли это было требованием моды: у матушки точно такие же наряды выглядели гораздо скромнее.

Потом я потребовала принести нормальный завтрак — не этот опостылевший до тошноты больничный «кисель» на

мясном бульоне. Я готовилась к тому, что Груня встанет на дыбы, и собиралась биться за право есть то, что хочется. Но она лишь кивнула и исчезла за дверью. Через несколько минут вернулась с подносом, заставленным тарелками с разными вкусами.

После двухмесячной диеты даже обычный куриный суп с сухариками и запечёнными корзиночками из слоёного теста с начинкой, напоминавшей жульен, казался пищей богов. А тонкие, до полупрозрачности, ломтики копчёной рыбы, свёрнутые красивыми цветочками с серединками из чёрных маслин, едва не заставили меня плакать от умиления — настолько это было красиво и вкусно.

Я проглотила всё без остатка, но не остановилась, хотя отвыкший от нормальной еды желудок уже протестовал. Съела ещё тарелочку ароматного жаркого из нежнейшей телятины с брусочками картофеля, белыми грибами и сметаной.

Осоловев от сытости, я несколько минут сидела за столом, тупо пялясь в стену. Думала, что больше не смогу запихнуть в себя ни кусочка, но тут Груня принесла чай и огромный кусок роскошного пирога с клубничным джемом и взбитыми сливками — и совершила невозможное.

— Груня, — прошептала я, стараясь не дышать слишком глубоко, чтобы лёгкие не давили на желудок, — передай повару, что он мастер своего дела. Но попроси в следующий раз делать порции вдвое меньше. А то мне очень скоро придётся менять весь свой гардероб.

— Как скажете, госпожа, — немедленно отозвалась Груня.

Я прикрыла глаза и словно задремала прямо на стуле, отрешившись от окружающего пространства. Активными оставались только мысли. Я размышляла о том, что хорошо бы собраться с силами и дойти до матери. Мне казалось важным поговорить с ней до того, как начну расспрашивать отца. Вчера она недвусмысленно дала понять, что в семейном споре скорее на моей стороне, чем на стороне второго родителя. Если удастся окончательно перетянуть её на свою сторону, возможно, получится продавить отца на некоторые уступки.

В пылу ссоры кажется правильным уйти в ночной сорочке и домашних тапочках, зато с гордо поднятой головой. Но когда эмоции утихают, здравый смысл берёт верх — и то, что казалось достоинством, превращается в истеричную глупость. Долго ли я проживу в таком случае? Вряд ли. Замерзну и умру в подворотне в первую же ночь — максимум во вторую.

А я помирать не хочу. Раз судьба дала мне второй шанс, значит, всё это было не просто так. Значит, я должна попробовать прожить лучшую жизнь здесь, в этом мире. Значит, нужно не хлопать дверями и не задирать нос, а убедить отца поступить так, как мне хочется. Я хотела остаться в городе, найти работу, а потом съехать от родителей.

— Груня, — позвала я сиделку.

Она тут же оказалась рядом, приобняла за спину — будто испугалась, что я сейчас упаду — и с тревогой заглянула в глаза. На миг показалось, что она сейчас подхватит меня на руки и унесёт в кровать. Я поторопилась её остановить:

— Всё хорошо. Я в порядке.

Груня тут же выпустила меня и отступила.

— Скажи, моя матушка дома? Никуда не ушла?

— Да, госпожа, — тут же отозвалась Груня. — Вашей матушке нездоровится, и она не выходит из комнаты. Пётр Андреевич к вам только на миг заглянул и с самого утра сидит возле госпожи.

— Что с ней?! — встревожилась я и открыла глаза.

Я не играла, не притворялась — мне на самом деле было жаль несчастную Ангелину Егоровну. И не только потому, что мне так нужна была её помощь. Не только...

— Не знаю, — пожала плечами Груня. — Вроде бледная немощь...

«Бледная немощь?! — подумала я. — Что это вообще такое?»

Порылась в памяти, пытаюсь найти хоть что-то похожее в списке болезней, известных обывателю, но безуспешно.

С трудом поднявшись (хорошо, что повседневные платья без корсетов — иначе бы сейчас не встала), я приказала:

— Отведи меня к матушке.

Глава 14

Ангелина Егоровна лежала в постели и на самом деле выглядела той самой «бледной немощью». Она даже не открыла глаза, когда я вошла — кажется, спала. Рядом с ней, читая тонкую книжку с серой обложкой, на деревянном стуле сидел доктор.

— Пётр Андреевич, что с ней? — я тихонько, на цыпочках подкралась к нему и замерла, схватившись за высокую спинку стула.

— Ничего страшного, Лариса Дмитриевна, — так же шёпотом ответил он. — Всего лишь бледная немощь. Вашей матушке нужно немного отдохнуть.

Я была настолько уверена, что Груня брякнула какую-то ерунду, что даже немного растерялась:

— Что-то не припомню такую болезнь.

Доктор, не меняя позы, поднял на меня взгляд и, глядя поверх круглых очков, сообщил:

— Это неудивительно, Лариса Дмитриевна. Потому что ваша матушка не больна. А вот ваша собственная болезнь очень быстро прогрессирует, и с каждым днём память всё больше будет подводить вас. Именно поэтому я настоятельно рекомендовал Дмитрию Анатольевичу отправить вас в лечебницу немедленно, чтобы замедлить процесс. Использование электрического тока показывает очень хорошие резуль-

таты в случаях, подобных вашему.

Он потряс книжкой, не замечая, что после этих слов меня непроизвольно передернуло от вспыхнувшей к нему неприязни. И этот доктор мне нравился?!

— Да вы просто садист! — вырвалось у меня. Но я не стала извиняться. Наоборот, дала волю эмоциям, позволяя себе говорить всё так, как чувствовала: — Это совершенно дикая и отвратительная жестокость по отношению к людям! Издеваться над беспомощными пациентами, пропуская через их тела электрический ток, и называть это безобразие лечением могут только полные отморозки, не знакомые даже с зачатками медицины! И вообще...

— Лариса?! — мать открыла глаза, перебив мой возмущённый вопль и не позволив сказать то, что рвалось с языка. А рвалось оттуда откровение о том, что такое лечение через сто лет получит название «карательная психиатрия», потому что убивает людей гораздо быстрее, чем их болезнь. — Девочка моя... Как ты?

Её голос был тих и слаб. Она смотрела на меня с лёгкой улыбкой, а в глазах сияла тихая радость.

— Хорошо, — голос на миг дрогнул, выдавая вспыхнувшую внутри жалость. Злость на доктора и желание высказать ему всю правду моментально схлынули, не оставив ни следа. — Я хотела бы поговорить с вами наедине...

Ангелина Егоровна бросила извиняющийся взгляд на Петра Андреевича, и тот мгновенно всё понял. Степенно

поднялся, заложил страницу закладкой и положил книгу на стул, безмолвно сообщая нам, что выходит лишь на минуточку. Поклонившись, он вышел.

Мы остались одни.

— Лариса, — матушка слабо улыбнулась, — я так рада, что тебе лучше... Мне больно было видеть тебя слабой.

— Со мной правда всё хорошо, — улыбнулась я. — Но я хотела бы задать вам несколько вопросов по поводу отъезда в поместье...

Но матушка поняла всё не так. Она высвободила руку из-под одеяла и обхватила мою ладонь сухими, прохладными пальцами.

— Девочка моя, мне жаль... Но для тебя это лучший вариант. Я не хотела бы, чтобы отец отправил тебя в лечебницу... Они убили мою мать, — повторила она то, что я уже знала. — И не беспокойся. У меня есть кое-какие сбережения — тебе хватит на пару лет экономной жизни. А потом Ольга вернётся из пансионата, и мы сможем выделить тебе ежемесячное содержание...

Столько искренней заботы и материнской любви было в этих словах, что у меня сами собой увлажнились глаза, а сердце забилося от чего-то тёплого по отношению к женщине, родившей меня в этом времени и в этом мире. Я шмыгнула носом... и неожиданно нагнулась, обняв её за плечи. Прошептала, уткнувшись лицом в мягкие, чуть подернутые сединой волосы, от которых слегка пахло лавандой:

— Спасибо...

Я и правда была ей бесконечно благодарна. Теперь я более-менее знала историю моей новой семьи и понимала, сколько значит для них возможность поддерживать тот уровень жизни, который привычен и уважаем в кругу друзей и знакомых.

Всё точно как у нас. Если кто-то из знакомых живёт бедно, но при этом у них дома чистота и порядок, все одеты в приличную, пусть даже аккуратно заштопанную одежду, то с такими общаются, таким помогают. И никто не задумывается, чего стоит матери и отцу семейства поддерживать эту видимость нормальности. Сколько труда они вкладывают в то, чтобы не опуститься на дно.

Это ведь легко. Очень легко. Нужно только расслабиться и позволить себе после тяжёлого рабочего дня забить на стирку и уборку, расслабиться самым простым способом из всех возможных — употребив пару рюмочек. И всё... Такую семью уже не спасти. Они очень быстро скатываются вниз, в маргинальную среду, и тут же теряют старый круг общения.

Да, здесь моя семья выше по социальному уровню, чем я была там, в старом мире. Но разве суть от этого меняется? Нет. И мои родители из кожи вон лезут, чтобы оставаться там, где родились, и не опуститься.

— Да что ты, — чуть смущённо улыбнулась она и, обнимая меня слабыми руками, прошептала: — Ты же моя дочь. И я тебя люблю... Хотя о таком и не принято говорить...

Она тихонько рассмеялась, щекоча моё ухо дыханием. А у меня в душе горело пламя, мешавшее дышать. Оно вырвалось из груди слезами, от которых мгновенно намокло всё вокруг.

— Я тоже, — всхлипнула я, — тоже тебя люблю.

И я не врала. Я говорила искренне. Я впервые за долгие годы чувствовала себя маленькой девочкой в маминых объятиях...

Я ведь пришла к ней за помощью. А мне даже просить ни о чём не пришлось, потому что мама подумала обо всём раньше меня. Да, только ради этого мгновения стоило умереть и попасть в этот мир.

Наверное, в этот самый миг я до конца приняла свою новую жизнь, новую личность, новую семью и новый мир.

Глава 15

Дальше мучить мать я не стала. Наш разговор выпил все её силы. Когда я выплакалась и отпустила её, она упала на подушки — измученная и уставшая — и слабо улыбнулась:

— Ты уж прости, дорогая, но с отцом тебе придётся говорить самой. — Она опять подумала обо всём раньше меня. — Я слишком слаба, чтобы быть рядом. Но я постараюсь заранее убедить его быть к тебе снисходительнее.

— Хорошо, мама, — кивнула я. — Спасибо.

Я вышла в коридор и, закрыв дверь, прислонилась к прохладной стене. Закрыла глаза... В душе всё ещё было влажно от слёз, которые так и не смогли пролиться: глаза опухли, перекрыв слёзные каналы.

Не знаю, сколько я так стояла, размеренно дыша и пытаюсь прийти в себя, но меня окликнул вернувшийся доктор:

— Лариса Дмитриевна, с вами всё в порядке?

Я кивнула. На душе скреблись кошки. Я знала, что должна тщательно скрывать: в теле юной Ларисы Дмитриевны находится душа пожилой женщины из другого мира. Из мира, где «бледная немощь» — скорее дразнилка, чем медицинский термин.

— Доктор, — проигнорировала я его вопрос, — а вам не кажется, что состояние матушки вызвано какой-то инфекцией? Это очень похоже на интоксикацию организма.

Пётр Андреевич нахмурил брови и уставился на меня, как на девятиклассницу, кутившую за школой:

— Вы заглядывали в мой журнал?! Это очень плохой поступок, Лариса Дмитриевна. Не пристало юной и воспитанной девушке читать чужие журналы. Особенно те, в которых вы ничего не понимаете, — менторским тоном произнёс он.

А я не сдержалась:

— Да не трогала я ваш журнал! Очень нужно! Про инфекции знает каждый. А вам бы я советовала заняться опытами с сине-зелёной плесенью. Она выделяет вещества, которые способны одолеть возбудителей почти всех инфекций, — выпалила я на одном дыхании.

Понимала, что раскрываю себя, но слишком сильно хотела спасти матушку. Не знаю, что за болезнь прячется под названием «бледная немощь», но это определённо последствия какой-то инфекции. Была бы у меня пачка какого-нибудь простого антибиотика — я бы в два счёта подняла матушку на ноги.

Вообще, я, как и любой житель нашего мира и моего времени, могу назвать с десятков антибиотиков. Но на этом познания заканчиваются: ни состав, ни способ производства мне неизвестны. Ничего, что могло бы помочь изобрести их здесь. Кроме легенды о тех самых сине-зелёных водорослях, с которыми проводил эксперименты Александр Флеминг.

Пётр Андреевич рассмеялся:

— Это очень смешная шутка, Лариса Дмитриевна. Лечить

людей плесенью... Пожалуй, я порадую своих коллег этим забавным предложением, если вы не против.

— Да пожалуйста, — буркнула я недовольно.

И, развернувшись, пошла прочь, пыхтя от возмущения. Я, можно сказать, поделилась с ним рецептом мировой славы — а он рассмеялся! И почему у других попаданцев в книжках всё получалось так легко? Они либо знают столько, что легко сами делают пенициллин на коленке, либо местным докторам хватает одного их намёка, чтобы тут же схватить чашки Петри и начать эксперименты с микроскопическими водорослями.

А мне доктор не поверил. Только в очередной раз убедился, что его диагноз о моём сумасшествии абсолютно верен.

Я вернулась в комнату и со злостью пнула первый попавшийся стул. По случайному совпадению это оказался тот самый, на котором сидел доктор.

Груня вдруг появилась из ниоткуда и засуетилась: налила в стакан воды и капнула какие-то капли из тёмного пузырька, стоявшего на моей тумбочке в изголовье кровати.

— Вот, госпожа, успокоительное.

Я даже спорить не стала. Выхватила стакан и опрокинула в рот, одним глотком проглотив всё содержимое. Мне ещё предстоит разговор с отцом. И совершенно точно лучше держать эмоции при себе. А значит, нужно подготовиться и заранее составить список вопросов.

— Груня, принеси мне тетрадь и руч... — запнулась я и

тут же поправилась: — чернила и перо.

Ручек здесь тоже нет. И хотя строение шариковой ручки я знала отлично, желания тут же рассказать о ней какому-нибудь инженеру, способному воспроизвести изобретение, не появилось. Он мне всё равно не поверит. Только посмеется — как доктор.

До самого вечера я готовилась к разговору с отцом: записывала вопросы, тасовала их по степени важности. Я понимала — времени у отца не много, а желания говорить со мной на тему поместья ещё меньше. А значит, я должна очень вдумчиво составить план разговора, чтобы узнать самое важное в самом начале.

Через несколько часов работы у меня получился список из пяти жизненно важных вопросов:

Какова площадь земельных угодий и какие там почвы?

Какие культуры там выращивались и какова их урожайность?

В каком состоянии дом и можно ли там вообще жить?

Каково расстояние до ближайшего города, в котором постоянно проходит ярмарка?

Какой доход приносит поместье в год?

Ответы на эти вопросы нужны были мне как воздух. Но помимо них я написала ещё целый список — на случай, если разговор с отцом затянется.

— Ваш отец вернулся, — Груня, которую я отправила караулить момент возвращения господина Бехтерева со служ-

бы, тронула меня за плечо, отвлекая от раздумий.

Я всё ещё сидела за столом и смотрела на список вопросов. Чувствовала, что где-то ошиблась, но, как ни старалась, так и не смогла увидеть ошибку...

Мне не хватало моих старых очков, чтобы справиться с задачей.

Глава 16

- Отец, - постучала я в дверь его кабинета, когда он поужинал, поговорил с матерью и занялся делами семьи. Груня, которая знала уклад нашей семьи лучше, чем я, подсказала, именно так он делает каждый день. - Можно?

- Лариса? - он поднял голову от каких-то бумаг, которые изучал прямо сейчас, и улыбнулся, - очень рад видеть тебя на ногах... Конечно, проходи, дорогая.

Я бочком просочилась через дверь, чувствуя некоторое смятение от давящей атмосферы отцовского кабинета. То ли сказала память тела, то ли внезапно нахлынувшее ощущение, будто я в вечерней темноте пробираюсь в музейные хранилища.

Обстановка в кабинете была еще более старой, чем во всем остальном доме. Я не удивилась бы, если бы оказалось, что за этим письменным столом сидел не только дед Ларисы Дмитриевны, но и прадед. Хотя вряд ли в музее допустили бы, чтобы экспонаты были такими потертыми. Перед тем, как показать интерьер кабинета зрителям, сюда следовало бы запустить целую команду реставраторов.

В кабинете было немного прохладно и душно. Огонь в камине развели совсем недавно, и он безжалостно сжигал кислород в комнате. Зато давал достаточно света, чтобы увидеть все детали.

- Присаживайся, - кивнул отец на пузатенькое массивное кресло, стоявшее у стола. Обивка на нем стерлась до такой степени, что яркие цвета и растительный орнамент, украшавший плотный гобелен, можно было рассмотреть только по краям, там, где ткань пряталась за деревянными деталями. - Я как раз хотел поговорить с тобой... По поводу вчерашнего...

Я кивнула и осторожно опустилась в кресло. И заговорила первой, перехватывая инициативу.

- У меня есть несколько вопросов по поводу поместья.

Отец тяжело вздохнул и откинулся на спинку массивного кресла. В его взгляде читалась явная досада.

- Я думал, ты выбросила эту бредовую идею из головы. Это поместье как кость в горле. Когда крестьяне разбежались, я пытался скинуть его за бесценнок. Но так и не нашел покупателя.

Я наморщила лоб... Моя интуиция тихо звякнула, словно говоря, что именно в направлении заданном отцом, находится та самая ошибка, которую я так и не смогла найти. И я осторожно поинтересовалась, стараясь не спугнуть мысль:

- А почему они сбежали?

Отец усмехнулся:

- Потому что возомнили себя свободными. Семнадцать лет назад государь подписал указ об отмене крепости. - Отец вздохнул. - Как будто бы эти бездельники способны работать без того, чтобы их хозяин стоял над ними с кнутом. Все го-

ворили, что крестьяне пропадут без хозяйской заботы. Забросят работу и будут целыми днями на печи лежать. Так оно и вышло... Государь может и пожалел, что освободил-то крепостных... Вот только то, что написано пером...

Он замолчал, не договорив, но я закончила за него:

- Не вырубешь топором... И все же я хотела бы знать немного больше о том месте, где мне предстоит жить...

Отец оттолкнулся от спинки кресла и подался вперед:

- Дорогая, - его голос звучал мягко, словно смазанный елейным маслом, - мы оба вчера погорячились. Я вовсе не желаю отправлять тебя в такую глушь, где ты будешь тосковать в одиночестве вдали от семьи и привычной жизни. Поэтому я еще раз настоятельно советую передумать. Лечебница, которую предложил Петр Андреевич, одна из лучших во всей стране. Тебе там понравится. А через пару месяцев ты вернешься домой абсолютно здоровая... И тогда господин барон будет рад возобновить помолвку.

- Нет, отец, - я покачала головой, - я не передумаю. Я ни за что не поеду в лечебницу. И меня вполне устраивает одинокая и тихая жизнь в поместье.

- Ты уверена? - нахмурился он. Я просто кивнула. И отец снова тяжело вздохнул. - Хорошо. Спрашивай, я отвечу на все твои вопросы...

А у меня уже был готов список. И я прочно зазубрила пять основных вопросов, которые хотела задать. Но вместо этого спросила совсем другое:

- Там совсем не осталось крестьян?

Отец сдержанно улыбнулся:

- Только семья старосты... Кузьма хороший мужик. Мой дед купил его еще ребенком, он вырос при усадьбе и предан нашей семье целиком и полностью. Если бы не это, я ни за что не предложил бы тебе такой выбор. Но в Кузьме я уверен. Он с сыновьями присмотрит за усадьбой. А его дочери будут прислуживать тебе.

Уже лучше... Моя интуиция стихла... Вот значит в чем дело! Я так привыкла быть самостоятельной, то совсем забыла про реалии этого мира. Чтобы обрабатывать землю мне нужны крестьяне, потому что тракторов здесь нет. Да, и вообще, усадьба это не квартира в многоквартирном доме, который обслуживает ЖЭУ. Одной парой рук не справишься.

Дальше все пошло, как по маслу. Отец ответил на все мои вопросы, хотя ответы меня совсем не порадовали.

Поместье, с одной стороны, было не совсем маленьким — около пятисот десятин. Но, с другой, даже в лучшие времена обрабатывали не больше двухсот, потому что остальные угодья были совершенно непригодны к земледелию — слишком каменистые почвы. Даже ячмень не рос, хотя эта культура считалась самой нетребовательной. Хорошо росла только жесткая трава, непригодная для заготовки сена, но и она сгорали от засухи к середине лета.

Пшеница тоже родилась не густо. Сам-три считалось нормой, в самые урожайные годы доходило до сам-пять, но та-

кое случалось нечасто. За сорок лет хозяйствования моего деда всего раз семь. А после того, как крестьяне получили свободу, поля и вовсе захирели. Теперь там не только пшеницу и рожь не вырастить, но и ячмень.

Сам дом во вполне приличном состоянии. Кое-где, конечно, требует ремонта, интерьеры давно устарели, но в остальном жить можно. Отец был там в прошлом году и лично убедился, что усадьба пригодна для житья.

До ближайшего города довольно близко: верхом можно домчать за пару часов, а на возке за полдня. И ярмарка там проходит регулярно. Именно там дед и продавал выращенное зерно. А недавно через город и вовсе построили железную дорогу, так что теперь там стало еще более оживленно.

А вот когда я задала вопрос про доходность, отец рассмеялся. Поместье было совершенно убыточно. И каждый год откусывало приличную часть семейного бюджета... Нет, не на содержание, а на уплату земских налогов, которые должны были направляться на содержание земских школ, дороги и прочей, как говорят в нашем мире инфраструктуры, но направлялись куда-то совершенно не туда.

Из кабинета отца я вышла немного расстроенная. Что и говорить, в своем воображении я уже нарисовала себя успешной помещицей, которая попивает чаек на веранде, пока крестьяне трудятся в полях, а управляющий решает все остальные вопросы. Но реальность оказалась куда более жестокой. Мне придется вникать во все самой. Потому что я не

собиралась сидеть не шее родителей всю жизнь.

Глава 17

С сельским хозяйством я была знакома исключительно по отчетам, которые приходилось изучать на работе. Я могла оценить эффективность сельхозпредприятия, знала самые важные точки, на которые следует обратить внимание, но совершенно не представляла, как вырастить рожь или пшеницу и чем они друг от друга отличаются. Поэтому первым делом я отправилась в библиотеку, чтобы изучить тонкости растениеводства.

И тут вышел небольшой конфуз...

Во-первых, я догадывалась, конечно, что книга по сельскому хозяйству будет не одна, но не думала, что книг будет столько много. Нашлись и подшивки «Земледельческой газеты» за тридцать лет, сброшюрованные по годам в толстые книжицы. Даже если бы я читала всю неделю, поднимая головы, то все равно не сумела прочесть и половины. А мне надо было не просто прочитать, но и хоть что-то запомнить.

А, во-вторых, все книги и газеты были выпущены довольно давно. Я не нашла ни одного издания позже 1864 года. С тех пор прошло четырнадцать лет, и многое могло измениться. Я же помню, как кардинально менялись цифры, связанные с сельским хозяйством, в мое время.

Поэтому я решила, что не смысла тратить силы на то, что у меня все равно не получится сделать так, как надо. И лучше

взять книги с собой и читать уже в поместье долгими зимними вечерами. А сейчас потратить время на то, что принесет больше пользы: пройтись по книжным магазинам и купить что-нибудь посвежее. И оформить подписку... Должна же сейчас быть какие-нибудь газеты или журналы про сельское хозяйство.

А еще, едва взяв в руки толстенный том «Почвоведение и климатология», за авторством некого Бирнбаума, 1864 года издания, который до меня никто не открывал, я поняла: мне нужно позаботиться не только о знаниях, но и о новом гардеробе.

Интересно, а сейчас уже есть резиновые сапоги или калоши? Если есть, то надо прикупить несколько пар. Я не собиралась месить грязь в туфлях. И по поводу одежды тоже надо подумать. Роскошные платья в пол с декольте совсем не подходят для сельской жительницы, которой я скоро стану.

Я сложила выбранные книги в кучу и велела отнести их ко мне в комнату. А сама отправилась матушке, чтобы посоветоваться по поводу нового гардероба. Сегодня она чувствовала себя лучше, и хотя по-прежнему не выходила из комнаты, доктор уже не дежурил у ее постели.

- Матушка, - я присела в креслице. Ангелина Егоровна сидела напротив, держа в руках пальцы, и неспешно вышивала разноцветную птицу, спрятавшуюся в цветах. - я хотела бы заказать новый гардероб.

Она на миг замерла, словно не поверила своим ушам, а потом вскинулась и, глядя прямо на меня, нахмурилась:

- Новый гардероб? Но зачем?!

- Я скоро уезжаю в поместье, - напомнила я. - И мне нужна одежда, которая проходит для жизни в деревне. Платья попроще... Костюмы... Обувь, - особенно выделила я, - чтоб не пачкать туфли. Там же грязь...

Мама сдержанно рассмеялась:

- Это очень дорого... Но, дорогая, не волнуйся, твои наряды, сшитые по последней моде, отлично подходят для жизни в поместье. А соседи, особенно их женская половина, будет локти кусать от зависти. И площадка у парадного крыльца поместья замощена дубовыми плашками и там всегда чисто. Тебе не придется месить грязь. Хотя, - матушка на миг отвлеклась от работы и добавила задумчиво, - я все же прикупила бы пару калош... Не у всех соседей такие удобства.

Не давая мне произнести ни слова, Впрочем, я все еще переваривала информацию о том, что придется ходить по полям в длинных юбках, отложила вышивку и поднялась, радостно улыбаясь.

- Решено, мы прямо сейчас отправляемся за покупками! - Ее глаза вспыхнули от предвкушения. Выдавая страсть моей матушки к шопингу. - Отправляйся к себе, тебе надо переодеться. Жду через полчаса в гостиной.

- Зачем? - не поняла я. И оглядела себя. - вроде же приличное платье...

Да, домашнее... Но здесь у меня и домашние платья такие, в которых не стыдно выйти в люди.

- Ты замерзнешь, дорогая, - мягко улыбнулась матушка. Но в этот раз ее улыбка стала натянутой. А огонек в глазах замигал от тревоги.

- Да, - мысленно чертыхнулась я, понимая, что опять допустила ошибку. Знала ведь, что в высшем свете переодеваются по сто раз в день, но как-то не применила это знание к себе. Тем более за два месяца я так и не выходила за пределы дома. - Не май месяц...

- Не май, - кивнула матушка. - Уже зима скоро...

- И Новый год, - вырвалось у меня. И я тут же попыталась исправить положение. Вряд ли в это время Новый год отмечают с тем же размахом, что и в будущем. - А потом Рождество.

- Сначала Рождество... - поправила меня она, - а потом Новый год.

Я с досадой цыкнула на себя. И, ведь правда, живут-то здесь по старому стилю! И Рождество у них раньше Нового года.

Матушка вздохнула тяжело:

- Ох, не ладно с тобой что-то, Лариса... Ох, не ладно... Может прав отец, и надо тебя в лечебницу отправить?

- Нет, матушка, - тут же замотала я головой, - со мной все в порядке. Просто я немного устала...

Она кивнула. Но продолжала смотреть задумчиво, застав-

ляя мое сердце колотиться от страха. А если и она встанет на сторону отца?!

Я так нервничала из-за своих постоянных проколов, что первый выход из дома и выезд в город прошел мимо меня. Я почти ничего не запомнила, тратя все свои силы на то, чтобы сдержаться и не ляпнуть чего-нибудь неподходящего. И только один раз настояла на своем: когда мы проходили мимо книжной лавки. Там я купила пару книг по сельскому хозяйству того же Бирнбаума и еще одну написанную князем Васильчиковым, которая называлась «Сельский быт и сельское хозяйство в России». Она была издана всего два года назад и я надеялась, что она станет моей настольной книгой, эталоном, которым я стану проверять все постулаты управления помещьем двадцатилетней давности.

Кроме книг, мой багаж пополнился двумя парами резиновых калош, которые надевались прямо поверх обычной обуви, и парой высоких кожаных ботинок. Такие обычно носили мужчины, но матушка, поделилась секретом, эта обувь гораздо удобнее для длительных прогулок по сельской местности, чем женская. А длинный подол скроет эту хитрость.

Глава 18

Наученная горьким опытом, все остальные дни я вела себя тише воды, ниже травы. Лучше отправиться в поместье неподготовленной, чем подготовиться и отправиться в лечебницу для душевнобольных, где над больными проводят ужасные опыты.

И отец, и мать, которая явно начала сомневаться в правильности своего решения поддержать мой отъезд в деревню, и доктор Петр Андреевич несколько раз приходили ко мне, пытаясь убедить отказаться от этой глупой, по их мнению, затеи. Но я стояла на своем. На электрический стул я всегда успею. А сейчас мне нужен покой. И в деревенской глуши я получу его с лихвой.

Я даже купленные книги не читала, чтобы не мозолить глаза своим отличием от прежней Ларисы Дмитриевны. Хотя внутренне меня потряхивало от нетерпения и хотелось как можно быстрее взяться за самообразование в области сельского хозяйства. Потому что до меня, как до утки на третьи сутки, дошло: пока я остаюсь финансово зависимой от родителей, именно они будут определять мою судьбу. Да, сейчас они пошли мне навстречу, но где гарантия, что и в следующих раз они поступят точно так же? Ее нет.

Поэтому мне нужно было во что бы то ни стало сделать так, чтобы убыточное поместье стало приносить доход, до-

статочный для моего содержания... Ну, и своего, разумеется. Если поместье по прежнему будет откусывать деньги отца, финансовой свободы мне не видать. Но я понятия не имела о каких суммах идет речь. Попытка выяснить у матери сколько денег мне нужно на жизнь, вызвала слезы и бурные переживания о том, что «бедная девочка» будет одна в деревенской глуши и непременно пропадет без родительской, или мужниной, заботы.

А отец и вовсе закатил глаза на просьбу показать мне финансовую отчетность по поместью. Мол, зачем тебе эти ужасные цифры, дорогая дочь. Ты все равно в них ничего не понимаешь. И ведь не скажешь, что я больше пятидесяти лет занималась именно тем, что анализировала финансовые отчеты.

Не знаю, как бы я выдержала последние дни без конских доз успокоительного. Груня смотрела на меня с подозрением, но молчала. В какой-то момент она снова резко поменяла свое поведение, превратившись в ту молчаливую сиделку, которой была раньше. Даже Петру Андреевичу перестала на меня жаловаться. И это выглядело очень подозрительно. Радовало только одно: когда я уеду, она останется здесь.

Последние три дня выдались особенно суматошными. Сборы вышли на финишную прямую и мне приходилось ходить буквально по лезвию ножа, отстаивая свои интересы. Например, мать велела упаковать весь мой гардероб, включая бальные платья и туфли в огромные дорожные сундуки.

А когда я попросила такой же для своих книг, взглянула на меня изумленно и заявила, что книги мне не нужны. Я должна блистать на всех местных балах, чтобы подцепить хорошего жениха. Она сообразила, что так далеко слухи о моем сумасшествии не докатились, а значит у меня есть шанс удачно выйти замуж. Она мне даже список потенциальных женихов приготовила, измучив отца расспросами о соседях и их сыновьях.

Книги пришлось тайком распахивать по сундукам, вытаскивая оттуда ненужные мелочи: атласные туфли, веера, платки, покрывала и все прочее, что казалось мне не столь необходимым. Я бы, конечно, лучше вытащила пару бальных платьев, чтобы сложить на освободившееся место всю собранную библиотеку. Но такой саботаж матушка заметила бы в два счета.

Я была так напряжена, что утро отъезда встретила с огромным облегчением. Еще несколько часов, я сяду в поезд, и рядом больше не будет никого, кто знал бы прошлую Ларису Дмитриевну, и ясно видел наши отличия. А значит я смогу немного расслабиться. И можно будет не бояться ляпнуть чего-то лишнего. Чужие люди не несут угрозу моей безопасности от электрического стула. А значит ошибку и оговорку легко можно будет перевести в шутку.

- Можно? - отец постучал в мою комнату, когда я закончила сборы и уже собиралась выйти. - Я хотел с тобой поговорить. До отъезда...

Я кивнула, позволяя войти, и ответила:

- Я все равно не передумаю, отец. - И повторила в тысячный раз за последнюю неделю, - я ни за что не поеду в лечебницу.

- Я не об этом, - отец попытался улыбнуться. Но у него ничего не вышло, губы судорожно дернулись и вместо улыбки получился оскал. - Я хотел дать тебе это...

Он протянул мне небольшую кожаную папку.

- Это государственные облигации... Если тебе придется туго, ты всегда сможешь обменять их в банке на деньги. - Вот теперь улыбка у него получилась лучше. - Тут не так много, но это все, что мне удалось скопить, дорогая.

- Отец, - мой голос дрогнул, а во рту резко стало сухо. Как будто бы вся влага рванула вверх, к глазам, мгновенно намочив ресницы. И я со слезами выдохнула, - спасибо...

И призналась, хотя могла бы промолчать:

- Мама уже отдала мне свои накопления... Я не могу взять и твои тоже...

- Я, знаю, мама мне все рассказала, - кивнул отец. И сделав шаг вперед, обнял меня... Впервые за все эти месяцы. И я тоже обняла его и уткнулась в плечо, мгновенно намочив темное сукно пиджака. - Поэтому и прошу тебя не торопиться и придержать бумаги. Чтобы получить доход с государственных облигаций, нужно выдержать их срок, а иначе за них вернуть меньше половины того, что заплатил я... Но если тебе вдруг станет тяжело, ты получишь за них достаточ-

но, чтобы вернуться домой. Ты поняла?

Я кивнула, прижимаясь к отцу. Впервые за обе мои жизни. В той, прошлой, у меня не было такого любящего отца, как здесь. И пусть он хочет упечь меня в психушку, но ведь делает это не со зла. А потому, что думает, будто садисты-психиатры могут мне помочь.

- Вот и славно, - улыбнулся он. И отстранился. А потом заглянул в мои заплаканные глаза и с улыбкой добавил. - Кстати, я нашел того, кто сможет быть рядом с тобой и позаботиться о тебе, что бы ни случилось.

Я нахмурилась, попой чуя приближение неприятностей. И они не заставили себя ждать.

- Я перекупил контракт с Груней у лечебницы, и она едет с тобой.

- Что?! - ахнула я, чувствуя, как мгновенно высохли слезы.
- Нет! Ни за что!

Еще не хватало, чтобы эта мегера отправилась со мной в поместье! Вот кого я там не хотела видеть, так это Груню.

- Это не обсуждается, дочь. - Твердо заявил отец, снова нахмурившись. - Кто-то должен позаботиться о твоём душевном состоянии. И я доверяю только ей.

Глава 19

Погода в день отъезда оказалась на редкость теплой и снежной. С ночи начал падать первый в этом году снег: крупные снежинки летели с темного неба, затянутого тучами, плавно и медленно. Ветра не было, вообще. Но матушка все равно нервничала, несколько раз умоляла отца отложить наш отъезд. Но он успокаивал ее и говорил, что мы едем не обозом, а по железной дороге, и никакая метель не заставит паровоз сбиться с пути. Но матушка все равно постоянно прикладывала платочек к глазам и всхлипывала.

Багаж, мой и Груни, которая притащила с собой один огромный сундук, похожий на те, что были у меня, и несколько больших узлов, погрузили на две подводы. Для нас матушка наняла карету.

К счастью, на вокзал родители не поехали и попрощались со мной на крыльце нашего дома.

Мать обняла меня и долго не отпускала, отчаянно рыдая и шепча что-то неразборчивое в ухо. То ли давала последние наставления, то ли говорила, как сильно она будет скучать. Но, думаю, в ее шепоте с лихвой было и того и другого. Ее слезы и объятия, заставили всхлипывать и меня. За эти два с хвостиком месяца, несмотря на все наши разногласия, именно матушка давала мне больше всего тепла. И я поняла, я тоже буду скучать по ней, по женщине, которая помогла

мне вспомнить, что такое материнская забота и материнские объятия.

Отец был гораздо сдержаннее. Он повторил свои наставления, которые сводились к «веди себя прилично, не позорь семью» и «возвращайся, если будет тяжело одной» и которые он повторял мне на разный лад все семь дней подготовки к отъезду. Но если раньше я чаще всего пропускала эти слова мимо ушей, то сейчас, всхлипывая и вытирая слезы, выступившие на глаза после прощания с матушкой, кивала и клялась сделать все, чтобы отец был мной доволен.

А потом он помог мне залезть в карету, Груня уже сидела там, равнодушно пялясь в темноту. Я думала, буду радоваться, когда уеду. Но когда возница громко свистнул, и карета тронулась, ощутила, что в груди с болью рвутся тонкие струны, привязавшие меня к этой семье. И вроде бы моя жизнь здесь, в этом мире и в этой семье совсем не была безоблачной... Поначалу я, вообще, считала книжными героями. Да и потом разногласий между нами было гораздо больше, чем взаимопонимания. Но тем не менее, я успела привыкнуть к ним. И, наверное, даже полюбить...

Хотя, возможно, это были не совсем мои чувства. Может быть, это были чувства моего тела.

- Вот уж не думала, что вы, Лариса Дмитриевна, будете рыдать, уезжая из дома, - подала голос Груня. - Вы казались мне черствой и не способной на проявление любви...

Она сделала короткую паузу, но прежде чем я успела от-

ветить, сказав, что не замечала за собой особой холодности, добавила:

- Душевные болезни всегда забирают теплоту в отношениях с близкими. И когда я увидела вас в первый раз, сразу заметила, как равнодушно вы смотрите на свою мать и на отца.

- Я люблю своих родителей, - выпалила я, чувствуя огромное желание вышвырнуть Груню из кареты прямо сейчас. Вот ведь мерзкая старуха!

- Теперь я это вижу, - кивнула она. И снова, сделав короткую паузу, в которую невозможно было вклиниться, произнесла, - вы, конечно, говорите и делаете много странного... Больше, чем любой из пациентов, за которыми я присматривала. Но чем больше я узнаю вас, тем сильнее мне кажется, что тогда я ошиблась... И вы не сумасшедшая... Хотя и очень странная... Не от мира сего...

Она говорила, делая перерывы между фразами. Но я только успевала набрать в грудь воздух, чтобы ответить, и продолжала молчать. И только когда Груня закончила говорить, разгадав мою главную загадку, выпалила:

- Вы ошибаетесь. Я из этого мира!

Старуха насмешливо фыркнула:

- Вот именно об этом я и говорю. Вы очень странная.

- Я странная?! - усмехнулась я, вспомнив, что лучшая защита, это нападение. - А вы? Вы разве не странная?! Думаете, я не замечаю, как вы в разговоре с моим отцом начинаете коверкать слова, будто бы стараетесь быть похожей на

остальную прислугу. Хотя в обычное время говорите точно так же, как господа.

- И что здесь странного? - Груня усмехнулась. Но в ее глазах вспыхнуло что-то так похожее на застарелую боль. - Я свое происхождение не скрываю. И все, кому надо, знают почему я не похожа на другую прислугу.

- Я не знаю!

- А вам и не надо, - в этот раз усмешка была искренней. А боль снова спряталась глубоко в душе старухи, исчезнув из глаз без следа.

- Раз вы служите мне, то мне надо, - уперлась я...

Но старуха в ответ только расхохоталась. И когда перестала смеяться, жестко... гораздо жестче, чем она позволяла себе раньше, ответила:

- А я служу не вам, Лариса Дмитриевна. Я служу вашему отцу. Это он платит мне. Он, а не вы.

И ведь не поспоришь. Я сама на ее месте считала бы точно так же. И на месте отца. Всем известно: кто платит, тот и заказывает музыку. Мне же не осталось ничего, кроме как скрипеть зубами от злости и представлять в красках, с каким удовольствием я уволила бы Груню, если бы могла.

Нет. Я поправила себя. Надо думать не так. Надо думать по-другому. О том, с каким удовольствием я уволю эту старуху, когда начну зарабатывать. И это непременно случится.

На вокзал мы приехали немного раньше, до отправления поезда оставалось полчаса. И пока наш багаж выгружали из

кареты, я решила прогуляться, осмотреться. Интересно же, как сильно эта реальность отличается от той.

Глава 20

Реальность отличалась сильно.

Любой, современный железнодорожный вокзал в Москве не только памятник архитектуры, но и настолько сложное сооружение, что вот так просто, с первого взгляда, и не разберешь куда идти, чтобы сесть на нужный поезд. А без указателей, которые встречаются на каждом шагу, вообще, легко заблудишься и потеряешься в переплетениях бесконечных путей, платформ, подземных переходов и эстакад.

Сейчас же железнодорожная станция в столице выглядела точно так же, как на какой-нибудь промежуточной станции, на которой не каждый поезд останавливается: сколоченная из грубых, наструганных досок сторожка рядом с большим строением, похожим на сарай с навесом, деревянная платформа и всего один путь. Как ни старайся, точно не заблудишься.

Все поверхности вокруг — и земля, и строения — были покрыты густой, угольной сажей, черноту которую не мог спрятать даже снегопад. Правда, я не сразу поняла, что черная грязь вокруг от угля. Только когда зашла за сторожку и увидела самый настоящий старинный паровоз. Такие я раньше даже в фильмах не видела. Там они, как-то поновее, посовременнее выглядели...

А этот был похож на толстую сигару, уложенный на три

пары колес, причем передние были заметно меньше остальных. На носу цилиндра располагалась большая труба, похожая на перевернутый конус. Внизу она была очень тонкой, и казалась какой-то неуклюжей и готовой сломаться от малейшего ветерка. Если бы ее у самого основания не укрепили решеткой из толстых железных прутьев, то так, несомненно, и случилось бы.

Чуть дальше из «сигары» торчала еще одна труба. Или что-то похожее на трубу. Только в отличие от первой, эта труба была низкой, толстой и одинаковой по всей длине.

На другом конце основного цилиндра нашлось место для машиниста... По крайней мере именно так я поняла назначение неширокой площадки огороженной теми же железными прутьями. Перед ней был закреплен фонарь, который, вероятно, включали по ночам, чтобы дать сигнал о своем приближении.

Я засмотрелась на это чудо старинной инженерной мысли и сама не заметила, как подошла слишком близко.

- Барышня! - резкий оклик заставил меня вздрогнуть. Я обернулась. За моей спиной стоял пожилой мужчина в тулупе, валенках и странной шапке-ушанке с круглым, как горшок, верхом. - Негоже вам туточки быть. Идите на платформу. А то замаретесь ишшо. Сажа-то, барышня, ежели на пальто ваше попадет, так ничем грязь не сведете... Чичас мы уже подадим вагоны-то.

Я медленно кивнула, только сейчас обратив внимание, что

мимо меня то и дело снуют несколько рабочих с тачками, которые грузят уголь в небольшой вагон позади паровоза. Их черные лица сливались с черными одеждами и серным снегом... Как будто бы кто-то нарочно решил их замаскировать и сделать незаметными.

- Скажите, - уйти просто так не смогла, слишком сильным было любопытство, - а это паровая машина?!

Кивком указала на подобие паровоза...

- Она самая, - кивнул старик. - Недавно получили... Ох, барышня! Какие у нее мощца!

Он довольно засмеялся. Видно было, что старик этот гордиться паровозом ничуть не меньше, как какой-нибудь космонавт ракетой, способной долететь до Марса.

- Я уж двадцать лет, почитай, машинистом роблю на железке-то, а такой красоты еще не видал. Диаметр парового котла почти два аршина! Сто семьдесят две дымогарные трубы! А летит, барышня, будто птица. И за собой аж пять вагонов тащит... А вагоны, матушка, нынче не те, что раньше-то. Почитай цельный город увезти за раз можно!

Он говорил и говорил, смешивая технические термины с просторечьем, отчего его слова приобретали особую прелесть и завораживали. А он, наверное, так рад был, что «барышня» внимательно слушает, что сыпал цифрами и техническими подробностями, которые звучали для меня, как заклинание.

- А самое главное, барышня, знаете что?! - он хитро уста-

вился на меня.

И я улыбнулась:

- Что?

- Нашенский это паровоз. В Коломне построили. Говорят, сам император Александр повелел для своего поезда такой же построить. И теперича по всей России-матушке на такой красоте ездит, - добавил он, мечтательно закатив глаза. И вдруг спохватился. - Ох, и заболтался я с вами-то! Робята, вона, уголь уж погрузили. Уж вагоны скоро подавать... Идите-ка вы, барышня, лучше вон туда! Тама у нас на станции лавка есть. Товару всякого видимо-невидимо. Авось найдете что к интересу-то.

Он коротко поклонился и потопал к лесенке, которая вела наверх, на ту площадочку с фонарем. Интересно, я оглядела паровую машину... А где топка?! Ну, должен же кочегар куда-то уголь подбрасывать. Но как ни старалась угадать местоположение топки, так и не смогла.

Я бы, наверное, окрикнула старика и спросила, но в этот самый момент за спиной послышался скрип свежесвыпавшего снега.

- Вот вы где, - Груня запыхалась и едва дышала. - Всю станцию оббегала, пока вас искала. Вы бы, Лариса Дмитриевна, не гуляли бы где попало. Тут и грязно, и небезопасно. Матушка ваша и батюшка были бы недовольны.

Ну, вот, начинается. Именно поэтому мне совершенно не нравилось присутствие Груни. Она всегда будет стоять надо

мной, как надзиратель, как постоянное напоминание о родителях и их праве решать мою судьбу.

Но я была бы не я, если бы не осадила старуху:

- Это не ваше дело. Вы должны присматривать за мной. Вот и присматривайте. А что мне делать и куда идти или не идти, я буду решать сама. - отрезала я. И добавила, не позволяя ей ничего сказать. - А сейчас мы пойдем в лавку. Она там.

Ткнула пальцем в ту сторону, в которую указал машинист. И зашагала, не дожидаясь ответа Груни.

Глава 21

За снегопадом, и правда, пряталась крохотная лавочка. Вроде тех, что сейчас можно увидеть на сельских рынках: прилавков под небольшой, треугольной крышей.

Горы товаров были накрыты рогожкой от снега, поэтому с первого взгляда и не определить, что там лежало. Однако, стоило нам подойти, как торговка, тут же сдернула рогожку, демонстрируя россыпи всякой всячины, которая обычно продается на вокзалах и сейчас. Были тут и сувениры: разные глиняные деревянные, костяные и каменные безделушки, столь милые сердцу каждого путешественника. И бумажные открытки с узнаваемыми даже для меня видами кремля, расписанные вручную. И печатные пряники всех размеров, политые глазурью. И прозрачные леденцы на длинной щепочке, от которых так сильно пахло детством, что я не устояла.

- Дайте мне этот, - ткнула я пальцем в самого большого петуха с с огромным свисающим хвостом, отлитым столь искусно, что можно было различить каждое перо.

- Десять копеек, - обмерла торговка и одарила меня насквозь фальшивой улыбкой. - В тряпицу завернуть, госпожа?

- Больно уж дорого просишь, - буркнула Груня из-за моего плеча, пока я доставала деньги. - На ярмарке такие за три продаются...

- Ну, так идите на ярмарку-то, - не стала лезть за словом в карман торговка. - Только не поспеете. Михалыч-то уже топку раскочегарил, значаща чичас вагоны подавать будет. И ждать, когда вы возвернетесь не станет. У него расписание...

С трудом выговорила она длинное и сложное слово.

- «Возвернуться», - передразнила Груня торговку, - может и не успеем. А вот без леденца вашего обойтись легко. Зачем вам, госпожа, сладость-то? Вы же не дитя, а девица на выданье. Пойдемте...

Она потянула меня за рукав. Я уже хотела возмутиться, мол, что ты, Груня, опять за меня решаешь? Но торговка успела первой:

- Ну, ладно, за семь отдам!

И только тут я сообразила, что прямо сейчас Груня торговалась. Я привыкла, что установленные цены незыблемы, никто не торгуется в супермаркетах. Моя матушка когда мы не так давно ездили на ярмарку, тоже не торговалась, платила столько сколько просили. То ли не принято, чтобы дворяне вели себя подобным образом, то ли она тоже не умела сбивать цену.

- Пять! - выкрикнула Груня громко, я даже вздрогнула от неожиданности. Никогда не слышала, чтобы она орала.

- Да, забирай! - расстроенно воскликнула торговка.

Я довольно рассмеялась и полезла в карман за кошельком. Но Груня успела быстрее. Сунула заранее приготовленные монеты торговке, схватила петушка и потянула меня прочь

от прилавка.

- Пойдемте, госпожа. Нечего нам тут уже делать-то! - И пояснила, увидев мое возмущение, - отец ваш мне два рубля выделил вот на такие мелочи...

И в этот самый момент, нам в спину полетел жалостливый вой торговли.

- Да, что это делается-то, люди, добрые! Уж средь белого дня грабят. Ты, Марфа, за место заплати, городовому заплати, начальнику на лапу дай... А сама все за бесценок отдай. Да, где ж это видано, за такого петуха всего пять копеек-то?!

Я всегда считала себя равнодушной к чужим проблемам. У меня своих вагон и маленькая тележка, чтобы обращать внимание на других. Но сейчас громкий плач торговли заставил меня почувствовать себя виноватой. Возможно, я просто забыла, что давным давно, когда была молодой, мой характер был намного мягче и добрее, чем в семьдесят четыре. И сейчас он потихоньку, по мере того, как я привыкала к своей новой жизни, возвращался.

Невольно замедлила шаг и обернулась...

Груня тут же схватила меня за рукав и, зашипев, словно змея, рванула меня прочь от торговых рядов. Вот только вместо того, чтобы послушно пойти за ней, я затормозила двумя ногами.

Не потому, что хотела доплатить торговке за петушка... Чувства чувствами, но разум подсказывал мне, что пять копеек на вокзале против трех на ярмарке не такая плохая це-

на. И она точно покрывает все дополнительные издержки торговли.

А потому, что увидела воткнутую в заднюю стойку, которую раньше от меня закрывала объемная торговка, газету с весьма говорящим названием «Скотоводство».

До этого момента я, вообще, не думала ни о каком скоте, в моих планах было выращивать пшеницу, рожь и ячмень, но сейчас мне непременно захотелось купить эту газету. А что?! Вдруг я решу завести корову? Или свиней? Надо же кому-то скормливать отходы от производства зерна. Когда листала книгу князя Васильчикова в книжной лавке, я успела зацепить взглядом информацию, что от пяти до пятнадцати процентов зерна теряется при уборке или списывается на некондицию. Дальше я прочитать не успела, но даже пять процентов это очень много. Почему бы не скормить их животным?

- Стой! - рявкнула я, с силой дергая Груню на себя. И взглянула на мгновенно замолчавшую торговку. - Мне нужна газета. Вон та...

Ткнула пальцем в заснеженный листы...

- Госпожа, да, зачем она вам-то?! - Взвизгнула Груня. - Вы ж девица! Незачем вам вовсе про такое читать!

Торговка, дернувшаяся было в сторону печатной прессы, замерла, растерянно глядя то на меня, то на Груню. Но газета не леденец. Тут я не намерена была уступать сиделке ни на шаг.

- Дайте газету!

- Госпожа, у меня и журналы имеются, - запричитала торговка, - про моду...

Я рассмеялась. И глядя ей в глаза тихо приказала:

- Газету дай... - А когда торговка, шокированная происходящим, послушно протянула мне сложенные листы «Скотоводство», повернулась к Груне, которая продолжала тянуть меня в сторону. - Рассчитайся...

И схватив газеты потопала на перрон абсолютно довольная собой. Будет чем заняться в дороге. Потому что все книги я тщательно попрятала в сундуки, не подумав, что их погрузят отдельно, в специальный багажный вагон.

Глава 22

Вагоны, которые «подал» Михалыч, меня удивили. Я-то ждала чего-то похожего на те, в которых ездила сама: узкий коридорчик и множество дверей купе. Но здесь двери купе выходили прямо на перрон. Да, и сами вагоны выглядели немного странно.

Во-первых, у них не было тамбуров. Между вагонами во время движения не походишь, если, конечно, ты не экстремал-адреналинщик, готовый танцевать на живой, движущейся сцепке, которая в любой момент может превратить тебя в инвалида. Это в лучшем случае.

Во-вторых, они отличались по цвету и по степени изношенности. Самый новый и самый большой сиял свежей синей краской и располагался в голове поезда. Над его крышей возвышалась труба, над которой вился еле заметный дымок. Далее было два желтых вагона, в одном из которых мне и предстояло ехать, если судить по номерам в билетах. Трубу у нас не было, да, и сами вагоны выглядели куда более потрепанными. А вот последние два вагона больше всего были похожи на современные. У них и цвет был зеленый, и вход в вагон был всего один... Правда, краска на них облупилась, оконные проемы никто не застеклил, несмотря на жуткий холод. Впрочем, у них и двери, как таковые отсутствовали.

На моих билетах, кроме номеров вагона и купе, был уже

указано, что вагон относится ко второму классу. И я сделала вывод, что синий вагон принадлежит первому классу, а зеленые — третьему...

Еще меня очень поразило, что в вагонах не было проводников. У нас проверили билеты прямо на перроне, причем это, судя по внешнему виду, был сотрудник вокзала, а не поезда. В отличие от Михалыча он был одет не так тепло.

Внутри наше купе отличалось от привычного мне еще больше, чем вагоны. Вместо узких поло-кроватей, вдоль стенок располагались две жесткие скамьи с немного продавленными сиденьями, но зато с высокими деревянными спинками. Никакого столика не было вовсе. А самое ужасное, что внутри оказалось ничуть не теплее, чем на улице. Или даже холоднее. Отопление в вагонах второго класса оказалось не предусмотрено.

- Ваш батюшка, мог бы и раскошелиться, - проворчала еле слышно Груня, устраиваясь поудобнее на неудобных сиденьях, - и отправить вас первым классом. Там и удобства, и тепло...

- А вам-то откуда известно, как оно там все в первом классе? - буркнула я, трясаясь от холода и поплотнее закутываясь в огромный пуховый платок, который мне вручила Груня. Вообще, изначально его мне совала матушка, но я наотрез отказалась надевать его поверх пальто. Я же не подозревала, что в вагонах царит такой собачий холод.

- Так вы не первая моя подопечная, - невозмутимо отве-

тила Груня. - До вас я приглядывала за свекровушкой одной почтенной и очень богатой вдовы. Муж-то ее погиб. Нехорошо погиб... А матушка его после смерти сына умом тронулась. Поначалу, пока она не буйная была, вдова нас дважды на воды отправляла первым классом.

Она тяжело вздохнула, словно жалею ту, незнакомую мне «подопечную». И закончила:

- Правда, когда она своего второго мужа встретила, так и перестала о свекрови заботиться. Даже в лечебниц отправлять не стала. Дорого, мол, за содержание платить. А старухе все одно мало осталось. И отправила в поместье-то, куда-то на Кавказ, чтоб она в Москве глаза не мозолила, и репутацию не портила. Там она и померла. А у вдовы той сейчас все хорошо. И муж новый. И дети родились...

Пока Груня болтала, поезд тронулся, и мы слегка покачиваясь, поехали прочь от вокзала. Сиденье под моей попой согрелось, и я перестала трястись. Хотя я все равно мерзла.

- А долго нам ехать? - задала я вопрос, который мучил меня сильнее всего.

- Нет, - отмахнулась Груня. - Завтра к вечеру прибудем уже в Саратов.

- Угу... прибудем, - недовольно заворчала я, - если не околеем от холода ночью.

- Не бойтесь, госпожа, - улыбнулась Груня. - Сейчас печи протопят, теплее станет. Во втором классе их только на ходу топят, чтоб тепло впустую не пропадало. А в третьем и вовсе

только на ночь...

Сиделка не соврала. Не прошло и получаса, как в вагоне стало намного теплее. И я даже скинула шаль, оставшись в пальто. До темна оставалось не больше двух часов и я решила, что самое время ознакомиться в местной прессой в области сельского хозяйства и, конкретно, скотоводства.

Газета неожиданно меня увлекла. Ее выпускало Московское общество улучшения скотоводства, причем первый выпуск вышел совсем недавно, первого сентября 1878 года и мне достался второй номер. Там уже не было скучных статей, которые обычно печатают в новых изданиях и в которых рассказывают о коллективе, о целях и стремления создателей. Зато все статьи были написаны с огоньком и желанием не просто донести информацию до читателя, но и по-настоящему, увлечь его.

Я узнала кучу бесполезной информации об уходе, кормлении и разведении охотничьих соколов, борзых и почтовых голубей. Ничем подобным я заниматься точно не собиралась. Была в газете и условно полезная информация об откорме бычков. Я бы могла заняться таким бизнесом, вот только в условиях моего поместья, придется растить их на покупном корме. На такое хозяйство у меня денег нет. Да, и рентабельность такого «бизнеса» под большим сомнением. С коровами тоже ничуть не лучше. Вряд ли они едят сильно меньше бычков. Никаким молоком не отобьешь расходы на сено, которым придется кормить животных практически

круглый год, даже по тем минимальным расценкам, которые были указаны в газете.

Эти подсчеты меня расстроили. Наверное, подспудно я думала именно о коровах, когда искала способ скормить отходы от зерна скотине. Тем более из молока можно сделать столько востребованных продуктов. Тут и сливки, и сметана, и творог, и сыр, и масло... Но сейчас мне было очевидно, если отец прав, а в этом я не сомневалась, то коровы съедят больше, чем я смогу с них получить.

Я расстроено отложила газету... Взгляд зацепился за название следующей статьи: «Высокоудойные козы из долины Заане», но читать уже не хотелось. Груня дремала, привалившись к деревянной спинке скамеек. Стало гораздо теплее, и я расстегнула пальто, чтобы не запариться и не вспотеть. Вагон мерно покачивался. Он ехал медленно и так монотонно, что не прошло и пары минут, как я тоже начала клевать носом. И сама не заметила, как заснула.

Глава 23

- Далеко-далеко на лугу пасутся ко... - напевала я себе под нос, глядя на приближающееся здание вокзала в Саратове. За окном вагона уже опускались сумерки, но пока еще было достаточно светло, чтобы разглядеть всем до мелочей.

Железнодорожная станция здесь выглядела гораздо лучше, чем в Москве... По-крайней мере здание вокзала было каменным и достаточно большим. И путей было несколько.

А все потому, что Саратов в этой, другой России, был одним из самых больших городов на границе с Тартарией. Я бы сказала, что он был главным торговым хабом между двумя странами. Еще когда изучала географию и разглядывала карты, обратила внимание, что аккурат напротив Саратова, на другом Берегу Волги располагался тартарский город Укек. А по Волге была налажена постоянная паромная переправа, которая позволяла перевозить огромное количество грузов. Писали, что река здесь хоть и немного шире средних значений, зато гораздо спокойнее.

- Далеко-далеко на лугу пасутся ко... - пропела я, притоптывая ножкой. Мне уже не терпелось ступить на землю моей новой родины. Правда, до поместья еще полдня в карете, но я собиралась остановиться в Саратове на пару дней, чтобы навести мосты и уже приступить к воплощению моего грандиозного плана по обеспечению своей финансовой незави-

симости.

Мне не терпелось начать как можно быстрее. Жаль, что газета не попала мне в руки хотя бы на пару дней раньше, пока я была в Москве. Могла бы сама навестить редакцию и пообщаться лично с неким Б.А. Васильчиковым, тем самым который написал статью, натолкнувшую меня на гениальную идею. Теперь же придется писать письма и неизвестно сколько ждать ответа.

Но даже это не могло испортить мое настроение. Тем более торопиться мне некуда. В поместье вряд ли есть то, что мне нужно. А значит придется потратить время на подготовку...

- Далеко-далеко на лугу пасутся ко... - я рассмеялась и повернулась к хмурой Груне. Сейчас даже сиделка не вызывала во мне никаких негативных эмоций. Ну, хочет отец знать, что со мной происходит. Ну, пожалуйста. Все равно присутствие старухи ничего не изменит. - Уже почти приехали.

- Угу, - буркнула она. И добавила, - батюшка ваш велел в Саратове переночевать. А с утра в поместье ехать.

Я фыркнула. И почему она молчала об этом? Я-то думала придется выслушивать недовольные комментарии Груни, когда вместо того, чтобы взять карету в аренду и отправиться в поместье, я прикажу ехать в гостиницу.

- Далеко-далеко на лугу пасутся ко... - прошептала... Песенка прицепилась ко мне с самого утра. И до сих пор не надоела, потому что стала гимном моей новой жизни.

Идея разводить коз пришла мне сразу после того, как я прочитала статью Васильчикова про швейцарских коз, которых он называл зааненскими, потому что их вывели на берегах реки Заанен.

Главным отличием от всех других привычных пород было то, что эти давали столько же молока, сколько средние крестьянские коровы — семьсот-восемьсот литров в год. При этом про содержания коз отдельно от козлов, молоко совсем не имело специфического, «козлиного» запаха. А еще корма ей требовалось существенно меньше, да и качество этого корма могло быть не таким хорошим, как для коровы. И эти козы могли раскапывать снег и добывать себе траву из-под снега, пастись на каменистых землях, на стерне и подбирать упавшие во время жатвы зерна.

Васильчиков в своей статье как раз и пытался донести до читателей, что зааненские козы для крестьянских семей могут стать настоящей заменой корове, если народ сможет преодолеть свою неприязнь к данным животным.

У меня никакой неприязни не было. Наоборот, оценив все плюсы породы, я вспылала к ним необыкновенной любовью, потому что эти животные стали ответом на все мои вопросы.

Едят мало, молока дают много. Молоко у них такое же жирное, как у всех коз, и точно так же, как коровье, годиться для переработки и в сливки, и в сметану, и в творог, и в масло. И все это, по словам Васильчикова, гораздо вкуснее,

чем из коровьего молока.

Но особенно хорошо из козьего молока получается сыр... Швейцарские крестьяне выводили породу как раз для этих целей. Река Заанен находится в горной местности, слишком далеко от крупных городов и торговых путей, а сыр прекрасно хранится, и не только не портится со временем, но и становится все лучше и лучше. В условиях, когда нет возможности регулярно выезжать на ярмарку, это идеальный вариант.

Все плюсы зааненских коз и сыров из козьего молока подходили мне точно так же, как и тем самым швейцарским крестьянам. Правда, мне повезло еще больше. У меня под боком был Саратов с развитой сетью транспортных путей. Значит я смогу снабжать козым сыром всю Россию. А если мне вдруг станет тесно в своей стране, то всегда есть возможность наладить поставки и на другой берег Волги, в Укек и через него во всю Тартарию.

Есть, правда, у этих коз один существенный минус — цена. Стоит одна коза тоже столько же, сколько корова. Но зато приносит не по одному теленку в год, а по два-четыре козленка... Васильчиков писал, что если вскладчину купить пару коз на сельскую общину, то через несколько лет их станет достаточно для всех.

Я же не собиралась ждать несколько лет. Я собиралась потратить все деньги, которые мне дала матушка, на покупку своего козьего стада. Надо только написать Васильчикову и

узнать, где можно купить таких чудесных коз.

- Правильно, козы. Пейте, дети, молоко, будете здоровы!

- закончила я песенку, слегка изменив слова.

А что?! Очень хороший рекламный лозунг получился!

Глава 24

Гостиница в Саратове, которую рекомендовал отец, оказалась довольно приличной. В номере, правда, не было удобств, они располагались на этаже, но я-то ожидала гораздо худшего. Поужинали мы в трактире на цокольном этаже. Груня, правда, возмущалась, трактир мне не по статусу, мое место выше, в небольшом ресторанчике. Но сегодня мы были единственными гостями с титулом, и я отказалась сидеть в пустом зале в одиночестве. Мне вдруг страшно захотелось побыть среди людей.

Молодой человек, сын хозяина гостиницы, который сидел за стойкой регистрации, если и дивился капризу юной дворянки, то вида не подал. И невозмутимо сообщил, что велит вышибале присмотреть за мной и обеспечить безопасность. Эти слова напугали Груню еще больше. Да, и мне тоже стало немного не по себе.

Но все обошлось. В трактире оказалось совсем не так страшно, а простые люди оказались довольно приличными. По крайней мере скандалов и дебошей не устраивали. Просто сидели за столами, ели и вели неспешные беседы. Поначалу это меня несколько обескуражило, а потом я поняла: гостиница не того уровня. Не каждый не дворянин — нищий, даже среди простолюдинов встречаются люди разного достатка. Есть купцы богаче самых знатных семей.

Письмо я написала в тот же вечер. На следующее утро, весточка уже полетела обратно в Москву в редакцию газеты. А я отправилась гулять по городу. Интересно же. В Москве меня никто не отпустил бы на прогулку одну, матушка ко-
стьюми бы легла. Здесь, кроме ворчливой Груни, никого ря-
дом не было. Но она не могла прямо запретить мне поступать
так, как я хочу. Она могла только недовольно бубнить себе
под нос, таскаясь рядом со мной и исполняя роль дуэньи. Я
быстро научилась не обращать внимание на нудное бормо-
тание за моей спиной.

Тем более Саратов в этом мире совсем не был похож на
тот, который я видела в своем прошлом. Никаких скучных
пыльных улочек старого города, никаких полуразваливших-
ся купеческих домов и деревянных пристаней на заросших
бурьяном берегах Волги.

Хотя купеческие дома были. Крепкие, двухэтажные, по-
строенные из кирпича, тщательно отштукатуренные и побе-
ленные, с резными, разноцветными ставнями и отмытыми
до блеска окнами. Почти во всех внизу, на первых этажах
располагались лавки, в которых торговали всем, чем толь-
ко можно. Такого обилия товаров не в каждом современном
торговом центре найдешь. Ну, со скидкой на время, конечно.

Если бы я не приняла решение, потратить все свои день-
ги на покупку козьего стада, то легко могла бы спустить все
до копейки здесь, в лавочках Саратовских купцов. Никогда
раньше не замечала за собой никакого шопоголизма, но от

местных прилавков приходилось оттаскивать себя почти так же, как барон Мюнхгаузен, из канавы. За шиворот.

А потом я добралась до порта... На сам берег меня не пустили, кругом все было огорожено высокими деревянными заборами. Но чуть подалее и повыше предприимчивые саратовские ребята предусмотрели специальную площадку, которая позволяла любоваться картиной портовой жизни. И стоило это всего три копейки с носа.

Никогда не видела ничего подобного. Каменные пристани, к которым были пришвартованы очень разные суда и суденышки. Больше всего меня поразили самые настоящие пароходы с огромными гребными колесами и трубами, из которых шел черный дым от горевшего угля. Они гудели низко и громко, пугая птиц и закладывая уши даже на смотровой площадке. Страшно представить, что слышат рабочие, снующие по пристани с грузами, как муравьи.

Мне страшно захотелось покататься на таком пароходике. Но пришлось отложить покатушки до завтра, пассажирские пароходы принимали на другой пристани. Здесь, в порту, они просто не смогли бы пробиться сквозь огромные баржи, заполонившие все видимое речное пространство. Их называли белянами, и их длина могла быть аж до ста аршин. Беляны считались одноразовыми баржами. Их собирали из дерева, загружали, сплавляли вниз по течению и там разбирали. Потому что тащить такую махину вверх по течению было не под силу даже самому большому пароходу.

Были баржи и поменьше. И деревянные, и даже железные. Последние появились совсем недавно, и их таскали по реке те самые пароходы, которые привели меня в восторг.

Крутившийся тут же шустрый мальчонка в коротком зипуне и огромном картузе, висевшем на оттопыренных ушах, за копейку выложил нам весь расклад. Но тараторил так быстро, что я запомнила не так уж и много.

На следующий день, мы с Груней посетили Саратовскую крепость... Да, в этом мире Саратов был приграничным городом и до того, как был заключен мирный договор с Тартарией, здесь находился главный форт-пост российской империи в Поволжье.

А вот на пароходе покататься не удалось... Частный найм был мне не по карману, а экскурсионных пароходов никто не предусмотрел. Те, что возили пассажиров из Саратова в Укек, мне совсем не подходили... Я конечно, очень хотела поехать в Укек, но завтра утром мне нужно было отправляться в поместье. Я уже заплатила полтора рубля за карету и два возка, которые доставят нас до дома, и не могла позволить себе потерять эти деньги.

Но я клятвенно пообещала себе, что при первой же возможности отправлюсь на другой берег Волги, в неведомую Тартарию. Правда, я еще не знала, что для этого требуется заграничный паспорт. Я-то думала, что их еще не придумали.

Зато на пристани я увидела крохотный белый пароходик

с очень знакомым названием «Ласточка». Даже не по себе немного стало.

Глава 25

В гостиницу мы вернулись в сумерках. Хотя в Саратове теплее, чем в Москве, и весь день светило солнце, но темнело все равно очень рано.

Я страшно проголодалась, за весь день у меня во рту маковой росинки не было, потому что все деньги я спустила еще утром, в самой первой лавке. Поэтому первым делом потянула Груню в трактир.

Сегодня утром мы завтракали в ресторанчике, и нам пришлось почти сорок минут ждать омлет, кофе и булочки. Оказалось, что своего повара в гостинице нет, не тот уровень. Здесь останавливаются только обедневшие дворяне вроде меня и моего отца. И получив заказ, официант бежит в ресторан на соседней улице. Поэтому и приходится очень долго ждать. Зато есть кухарка, которая готовит для трактира в огромных котлах ограниченный набор блюд. И очень вкусно готовит, я уже убедилась в этом вчера вечером.

Как ни странно, Груня даже не возмущалась. То ли устала, все же ей много лет, то ли ей тоже не понравился остывший завтрак.

Мы спустились с крылечка вниз, и уже хотели войти внутрь, как я вдруг услышала, как кто-то громко, навзрыд рыдает под облетевшим кустом, росшим чуть в стороне. Это определенно был ребенок. И я не смогла пройти мимо.

Слишком уж горько он плакал. Словно с ним приключилось что-то очень страшное.

- Я сейчас, - кивнула Груне и вломила в кусты. Там, среди жухлой листвы и засохший крапивы лежал тот самый мальчишка, который в порту рассказывал мне про корабли. Я узнала его по оттопыренным ушам и тому самому картузу, который сейчас упал с его головы и лежал рядом. Присела и тихо, чтобы не напугать произнесла, - привет. И что ты плачешь?

Мальчишка на миг замолчал, поднял голову и взглянул на меня полными слез распухшими глазами. А потом снова зарыдал с новой силой.

- Эй, ты чего? - тронула я ребенка за плечо, и он никак не отреагировал. Просто продолжал лежать и плакать. Но когда я попыталась перевернуть его, как свернувшегося клубочком ежика, он резко дернул всем телом, сбрасывая мою руку. - Ну, что ты плачешь-то?

- Пустите меня, госпожа, - Груня подошла и хмуро взглянула на мальчишку. - Я узнаю, что случилось.

Не дожидаясь ответа, присела рядом на корточки, а потом одним, неуловимым движением, подтянула мальчишку к себе и, через миг, уже обнимала его держа на коленях. И этот ушастый бедолага, тут же вцепился в мою сиделку, как в родную мать и принялся поливать слезами ее пальто.

А после того, как она спросила его, что случилось, принялся рассказывать, икая и захлебываясь слезами.

Оказалось его мать работала в гостинице кухаркой и тайком подкармливала его остатками еды. Хозяину же подобный расклад не нравился, и он несколько раз сделал внушение кухарке, что если заметит мальчишку, то поколотит его, а саму работницу вышвырнет прочь. Это, собственно, сегодня и произошло.

И пока мальчишка рыдал в кустах, его матушка собирала вещи, чтобы уйти. Они с сыном жили в каморке при трактире и совершенно не понимали куда теперь податься.

- А где же твой отец? - проворковала Груня, приглаживая торчащие в разные стороны вихры.

- В прошлом годе умер, - всхлипнул ребенок, - он бурлаком был...

Бурлаки... На меня будто холодную воду вылили... Бурлаки на Волге.

И перед глазами встали измученные непосильной работой мужчины в грязных оборванных одеждах, с трудом бредущие по иссушенному до желтизны берегу Волги под белым от палящего солнца небом.

Репин ведь написал свою знаменитую картину примерно в то время.

- Это просто ужасно, - прошептала я. В горле резко пересохло. Как-то совсем забыла я о другой стороне жизни. У красивой картинки огромного порта оказалась другая сторона, которую просто никто не видел.

- Да, ниче, - всхлипнул мальчишка. Он уже немного успо-

коился на руках Груни, - мы с мамкой даже рады были. Дюже у батьки кулаки крепкие были... И пил он безбожно...

Он произнес это легко и буднично. Как будто бы не видел во всем том ничего ни особенного, ни страшного. Вполне привычная норма жизни.

- И куда вы сейчас? - спросила Груня, выпуская мальчишку, пожелавшего встать, с колен.

- Не знаю. - пожал он плечами и вздохнул, нашарив в траве свой огромный картуз и напяливая его на оттопыренные в стороны уши. - Мамка говорит, что никому мы не нужны...

Он длинно всхлипнул и вытер нос рукавом старого, но аккуратно зашитого зипунишки.

- Мамка говорит, жаль что крепость отменили. Сейчас бы жили в поместье, и ни о чем не думали бы. Чай, хозяин и накормит, и напоит, и оденет... И плетей отвесит, ежели за-место работы в кабаке торчать вздумаешь. Батьку-то мово, раньше барин во как держал, - мальчишка вскинул кулачок и потряс им в воздухе. - Потому и не пил. И столяром был таким, что за его работой из города приезжали.

Мальчишка снова вздохнул:

- А как крепость отменили, решил, что сам заработает-то... В городе-то... Ан не вышло. Все мои старшаки с голодухи померли, пока батька пытался столы да стулья коло-тить. Только я один и выжил, потому что матушка меня ро-дила уж после того, как батька в порту робить стал... - и тут же без перехода, заговорил о настоящем. - А сейчас в ноч-

лежку пойдем... У меня ж копейка есть, что госпожа дала. А завтра мамка сызнова работу искать станет.

- Петрушка! Ты где? - тихий и усталый женский голос прервал наш разговор.

Пока суть да дело, уже довольно сильно стемнело. И со стороны крыльца в тени куста нас совсем не было видно.

- Тучочки я. Ччас, мамка, иду, - крикнул мальчишка. И оглядев нас поклонился в пояс. - Благодарствую за помощь...

Он торопливо побежал по высокой, высохшей траве, оставляя нас одних.

Груня тяжело вздохнула и поднялась.

- И нам надо идти, госпожа... Вы ж голодны... - а потом вдруг махнула, рукой, будто вытирая слезу и прошептала, - уж как мальчонку жаль! Такой хорошенький... Ушки только лопушками, надо привязывать, чтобы выправить. А он на них картуз...

Она тихо рассмеялась. Впервые на моей памяти. Я вытирачилась на нее удивленно. А она пожала плечами:

- Люблю я детишек... Бог мне своих не дал, так я чужих всю жизнь нянчила. Потом уж сиделкой пошла, когда в руках силы не осталось...

Ничего себе не осталось! Я фыркнула, вспомнив, как легко, словно пушинку, переворачивала меня эта «немощная» старушка.

И немного неожиданно даже для себя выдала:

- А у меня в поместье кухарки ведь нет... Нанять надо,

иначе с голодухи, - невольно скопировала тон пацаненка, - померем...

Груня на миг замерла, а потом всплеснула руками и рванула за несчастной семейкой, истошно крича:

- Петрушка! Петрушка!

Глава 26

- Меня Марусей кличут, барыня, - опустила глаза невысокая, чуть мне до плеча, женщина с большими, натруженными руками, которые она привычным движением сложила на животе, сцепляя в замок.

Выглядело немного странновато. Как будто бы она хотела их спрятать, но положила на самое видное место. Это потом я узнала, что обычно на ней был фартук, переднее полотнище которого скрывало руки от «хозяйского» взгляда.

Маруся, несмотря на маленького сына, оказалась немолодой. Старше моей матери. Волосы были тщательно спрятаны под платком и их цвет был неизвестен, но морщинки на худом, до измождения лице говорили сами за себя. Я бы дала ей лет сорок, с учетом того, что внешне люди сейчас стареют гораздо быстрее, чем я привыкла видеть.

Кажется, она не ждала от нашего интереса к ней ничего хорошего. И даже в вечерней темноте было видно, насколько она устала. Плечи были опущены, она сильно сутулилась и шаркала ногами, когда шла.

- Маруся, - ободряюще улыбнулась я ей, - завтра я отправляюсь в поместье. Там очень давно никто не жил, и совсем нет прислуги. Если ты согласишься стать кухаркой, то я буду очень рада...

- С проживанием, - скороговоркой прошептала Груня за

моей спиной, подсказывая, что нужно говорить.

Я кивнула:

- Конечно же, вы оба, с Петрушкой будете жить там же, в поместье. Плюс питание... Думаю я смогу прокормить двух человек...

- Мы много не едим, барыня, - добавила Маруся тихо, разбавляя паузу.

Я вдруг поняла, что понятия не имею, какую зарплату ей предложить. Как-то упустила я этот момент. Сколько, вообще, платят прислуге?!

- Зарплата, правда, будет минимальной, - выкрутилась я.

- Какой? - удивленно переспросила Маруся. И по интонации мне стало понятно, вопрос относился не к сумме, а к самому слову, которое было ей неизвестно.

- Три рубля, - опять подоспела с подсказкой Груня.

И я повторила:

- Три рубля... Больше мне пока не по карману, к сожалению, - Сумма показалась мне очень маленькой. За мужские ботинки, которые были предназначены для прогулок в деревенской тиши, матушка заплатила четыре рубля пятьдесят копеек. И радовалась, что удалось купить обувь так дешево. Поэтому я постаралась подсластить свое предложение, боясь, что Маруся откажется. - Но как только появится возможность, я стану платить больше. А пока могу научить Петрушку читать и писать.

- Мамка! - ахнул мальчишка, простоявший молча все вре-

мя, пока мы говорили. Он и сейчас замолчал, не произнеся больше не слова. И только весь его вид кричал о том, что он уже руками и ногами за...

- Не стоит, барыня, - покачала головой Маруся. Она по-прежнему смотрела в пол и, вообще, никак не выдала свое отношение. Ни единого жеста, ни единого вздоха, чтобы я могла понять: устраивает ее или нет предложение поехать вместе с сыном к черту на кулички с неизвестной теткой и старухой, которые не понятно чего хотят на самом деле. - Три рубля хорошая зарплата. В трактире мне платили столько же, но нам приходилось платить за комнату... И ничего не оставалось...

Выдохнула она.

- Ничего не оставалось? - переспросила я, запутавшись в трех соснах. Никак не могла поверить, что правильно поняла то, что слышала. Выходит, хозяин гостиницы платил ей три рубля за работу и забирал тебе же три рубля за комнату? Так что ли? - Но на что вы покупали еду?

Маруся впервые подняла на меня глаза и смущенно улыбнулась.

- Петрушка нас кормил... Иногда копейку принесет... Иногда две... Вот и...

Она развела руками.

А я потеряла дар речи. Стояла, вылупившись на них и никак не могла ничего сказать. У меня в голове такое просто не укладывалось. Фактически она работала за крышу над голо-

вой, но при этом за то, что посмела накормить ребенка объедками, ее выгнали?

- Мы согласны, барыня, - Маруся вновь сложила руки на животе и уткнулась взглядом в землю. - Вы только скажите, куда и когда нам надобно приехать...

- Завтра на рассвете приходите сюда, - вмешалась Груня, когда пауза затянулась. Ну, не могла я ничего ответить. Не могла. Слишком дико для меня звучало то, что я узнала о жизни несчастной Маруси. - Поедете с нами.

- Хорошо, барыня, - качнула головой Маруся, кланяясь.

- Меня зовут Груня, - поправила ее сиделка. - А барыня у нас Лариса Дмитриевна.

Маруся снова поклонилась. И уже собиралась уйти, взяв Петрушку за руку, когда я отмерла.

- Подожди! - окликнула я ее. Они замерли и обернулись. - Вы же оба голодные... Идемте, я вас накормлю.

Петрушка смотрел на меня, как на какое-то божество, явившее миру чудо. Он даже сделал шаг в мой сторону, по прежнему держа мать за руку. А вот Маруся стояла на месте и не двигалась, словно засомневалась: а не ловушка ли это? Слишком уж хорошо... Как бы потом не было плохо.

Я словно слышала ее мысли. И торопливо добавила:

- Будем считать это авансом за вашу работу в моем поместье...

- Задатком, - опять «перевела» Груня. Я кивнула...

- Задатком... - с сомнением выдохнула Маруся и метнула

взгляд на сына. - Хорошо, барыня... Только мы в трактир не пойдём... Не пустят нас. Но если вы нам пирог купите, не откажемся...

Купила я, конечно, не только пирог, но и кашу с мясом. Нельзя детям без горячего. Официант если и удивился, когда я выхватила у него поднос и самолично понесла к выходу, то вида не подал. Хорошо быть дворянкой, можно чудить на глазах у всех и никто не посмеет помешать.

Петрушка смел кашу в одно мгновение, закусил пирогом и чаем и привалился к матери, засыпая на ходу. А вот она ела медленно, хотя было видно, как сильно она голодна.

Вот не понимаю я этого все же... Не понимаю... Как можно морить голодом тех, кто на тебя работает?

Маруся с Петрушкой ушли в ночлежку... Я хотела снять им комнату тут же, в гостинице, но они наотрез отказались. И Груня шепнула, что ничего не выйдет. Не пустят их сюда. Не место им тут. Когда Маруся с Петрушкой ушли, а мы с Груней, наконец-то сели ужинать, мне показалось, что все не так вкусно, как вчера. Да, и вообще, вся гостиница стала какой-то неприятной. Как будто бы то, что я узнала про жадного хозяина, облепило все вокруг, даже стены и потолок, тонкой пленкой неприязни.

Ничего... Завтра будет новый день. Завтра мы поедем домой, в мое поместье. И все будет хорошо.

Я улыбнулась, обняла подушку и заснула. Хотя, если бы знала, какой сюрприз ждет меня в усадьбе, так и ворочалась

бы всю ночь в поисках решения новой проблемы.

Глава 27

Утром Груня разбудила меня еще до рассвета. Мы вышли из гостиницы через полчаса. Нас уже ждали... Весь багаж уже погрузили и хмурые возницы в тяжелых тулупах замерли на козлах, ожидая отправки. В карете было довольно тепло, между скамейками, в проходе стояла большая жаровня с раскаленными углями, которые давали и свет и тепло.

Я вползла внутрь и плюхнулась на теплое сиденье, заботливо крытое пуховой шалью. Не иначе Груня постаралась. Я привалилась боком к стене кареты и закрыла глаза... Мысли с трудом ворочались в сонной голове.

Не знаю, сколько сейчас время, я спала на ходу с самого подъема и даже не посмотрела на часы. Но по моим ощущениям часов пять или шесть. Как раз когда самый сон. Интересно, во сколько встали возницы, ведь им нужно было время, чтобы запрячь лошадей, потом приехать к гостинице, загрузиться...

Груня забралась в карету следом за мной, и пока я пыталась ворочать неподъемными мыслями, чем-то шуршала, устраиваясь на противоположной скамейке. Почти сразу мы тронулись и карета мерно закачалась, убаюкивая меня еще больше.

- Завтракать будете? - голос Груни звучал так бодро, что захотелось ее прибить.

- Нет, - пробормотала я еле слышно, - позже. Сейчас я хочу спать...

- Я пирогов взяла с пылу с жару, - заявила она. - Поели бы, госпожа, пока горячие-то. И взвар остынет...

Когда она заговорила про пироги, извилины шевельнулись и выдали еще одну новую мысль: выходит кухарка поднялась еще раньше возниц. Ведь ему надо было и тесто замесить, и дожидаться пока поднимется, и начинку приготовить, и слепить, и испечь...

Кухарка...

Кухарка...

Точно!

От всплеска адреналина я проснулась сразу же. Вытаращилась на Груню и выпалила:

- Мы забыли Петрушку с Марусей!

Сиделка смотрела на меня удивленно.

- Да, с чего забыли-то? В возках они сидят.

- Ты их видела? - вспыхнувшая паника улеглась, и я ослабленно откинулась на спинку скамейки.

- Конечно, видела, Лариса Дмитриевна. Петрушка поди под ногами без конца путался, грузиться не давал. - Проворчала Груня. Но я чувствовала, ее ворчание скорее привычка, а не злость на шустрого мальчишку в старом зипунишке и картузом на оттопыренных ушах.

Адреналин вновь плеснул по венам. Я вскочила.

- Они же замерзнут! - выпалила я. - Надо посадить их сю-

да, в карету...

В этот раз Груня ответила не сразу. Она тяжело вздохнула, выдержала паузу и только потом заговорила. Очень медленно, тщательно подбирая слова.

- Никак я вас не пойму, госпожа... Иногда вы ведете себя так точно так же, как любой разумный человек вашего окружения. Ваше безумие становится почти незаметным, прорываясь короткими вспышками совсем небольших странностей. И скорее придает вам шарма, чем портит. Но иногда, вот как сейчас, вы шокируете даже меня. А я, Лариса Дмитриевна, всякое в жизни повидала. И с топорами на меня кидались. И задушить пытались. И зарезать. Да, хоть бабка ваша... Сколько раз она меня убить пыталась, не счесть. Но еще никогда я не видела, чтоб безумие другой стороной поворачивалось. Чтоб не ярость, а излишнее милосердие разум туманили... Никогда такого я не видела...

Она говорила, а я злилась. И когда Груня закончила свою речь, выпалила:

- Так может вам пора признать, что я не псих?! - И поправилась, побоявшись, что она не поймет незнакомое слово. - Не безумная?!

Сиделка покачала головой:

- Приглашать в карету кухарку с сыном — чистое безумие, госпожа... И ничего с ними не случится. Они с собой тулуп отцовский притащили. Завернуться и даже не озябнут за полдня-то. Не зима же...

Злость испарилась оставив после себя досаду. Опять эта разница в менталитетах между моей прошлой жизнью и этой. Я, наверное, уже никогда не привыкну к совершенно новым границам нормы и столь жесткой субординации в отношениях с людьми.

- Я всего лишь испугалась, что вместо кухарки мы приведем в поместье сосульку, - буркнула я недовольно. - И тогда придется, Груня, нам с тобой по очереди вставать к плите.

- Ох, Лариса Дмитриевна... Надо был вам успокоительный отвар в дорогу заварить. Сейчас бы пригодился-то... Ну, какая же плита, госпожа?

Я мысленно чертыхнулась. Вот ведь... бестолочь... Ну, да, какая же плита может быть?! Я же дворянка! Это мне не по статусу. Уверена, моя матушка скорее умерла бы с голоду, чем встала к плите, чтобы сварить себе кашу.

Хотя я впервые подумала об этом с другой стороны. И поняла: мне плевать. Плевать на то, что я совершенно не вписываюсь в новый мир. И, скорее всего, никогда не впишусь. Но я не стану подыхать от голода только потому, что приготовить себе еду ниже моего достоинства. Если такое может запятнать мою репутацию, то зачем она мне, вообще, нужна?

И потом... Я ведь радовалась отъезду из родительского дома в глухое поместье как раз потому, что могу там быть собой и не притворяться. Так зачем тянуть? Надо начинать сейчас. И привстав со скамьи изо всех сил застучала по стенке кареты со стороны возницы:

- Эй! Стой! Стой, говорю...

А когда катера остановилась, выскочила на улицу и помчалась назад... К груженным телегам, которые тащились позади нас.

- Маруся! Петрушка! - кричала я. - Маруся!

- Туточки мы, барыня, - огромный тюк рядом со мной шевельнулся, заставляя меня вздрогнуть от укола страха. И из огромного тулупа, показалась голова Маруси, замотанная в платок.

- Идем, - приказала я ей и махнула рукой, показывая куда.

Она испуганно вытаращилась... Но тем не менее, послушно, хотя и медленно вылезла из-под тулупа... На ней не было ничего, кроме шали, хотя вчера я видела на ней пусть и очень старое, но пальто...

- Где твоя одежда?! - нахмурилась я.

- Выменяла, барыня, - прошептала Маруся, стоя у возка и опустив глаза в пол. - На хлеб и сало... Иначе мы с Петрушкой не доедем...

Я выпустила воздух сквозь зубы... Да, злилась. Страшно злилась. Но не на нее, а на себя. Почему сразу не дала денег? Почему не подумала, что у несчастной Маруси в кармане всего одна копейка, которую я вчера заплатила Петрушке? Мне пора научиться видеть этот мир без прикрас. Таким, какой он есть.

Глава 28

Маруся приняла мою злость на своей счет. Она как будто бы съежилась, стараясь стать еще меньше. Уже потом, когда успокоилась и пришла в себя, поняла. Она была готова даже к тому, что я ее ударю... Она, наверное, даже ждала этого, потому что привыкла, что ярость хозяева всегда вымещают на тех, кто не может ответить.

- Идем со мной, - повторила. И кивнув на замершего под шкурой Петрушку, добавила, - и сына бери.

И тут случилось то, что потом много лет снилось мне и заставляло просыпаться от чувства жгучего, до слез, стыда. Маруся никуда не пошла. Она рухнула на колени и протянув ко мне руки, взмолилась, мгновенно разрыдавшись:

- Не губите сына, барыня-матушка! Не губите дитя невинное! Со мной что вам угодно делайте, хоть плетью запорите, хоть посередь дороги бросьте, а мальчика мово, молю, пожалейте... А он вам до самой старости верой и правдой служить станет. И о больше милости просить не будет...

Она причитала и причитала. А смотрела на нее и ничего не говорила... Остолбенела просто. Растерялась настолько, что не знала, что делать... Груня вылезла из кареты и, стоя у откидной лесенки смотрела в нашу сторону. И на помощь мне, как обычно делала, не спешила.

Петрушка громко, навзрыд рыдал под своим тулупом.

Спина возницы, сидевшего на козлах этого возка окаменела. Я чувствовала, он не дышал все это время. Как и другой возница... Тот, что правил следующим возком... Он смотрел сквозь нас стеклянным взглядом и тоже не дышал. Только вожжи в его руках мелко дрожали.

Мой ступор продолжался, казалось, вечность. А потом резко, будто кто-то невидимый нажал на плечи, я присела рядом с Марусей и вцепилась в нее. Тряхнула...

- Да, что ты такое говоришь! - кричала я шепотом, выдавливая слова из пережатого в спазмах горла. Маруся сразу перестала причитать, но завyla волком, глядя вокруг обезумевшим взглядом...

Я поняла, она меня не слышит. И сделал единственное, что пришло мне в голову. Силой подняла на ноги, обняла бедняжку и прижала к себе.

- Тише.. тише.. Не обижу я ни Петрушку, ни тебя...

Марусю удалось успокоить не сразу. И не до конца. Я просто потеряла терпение...

В карету я вела Марусю практически силой. Она тоненько подвывала, но шла. Правда, с таким видом, будто я тащила ее на эшафот. Она так и не поверила мне, что я не собираюсь делать с ней ничего плохого.

И Петрушка, глядя на мать, тоже плакал, кричал и кусался, как маленький звереныш, когда возница, у которого я потребовала помочь мне, донес мальчишку на руках и сунул в распахнутую дверцу с таким видом, словно я баба Яга. И

это не карета, а печь. И я собираюсь зажарить мальчишку и съесть. А потом непременно закусить всеми остальными.

Может быть все думали, что мы с Груней расчленим их прямо в карете?

- Вот и все, - мрачно заявила я вознице, неловко топтавшемуся у лестницы. - Теперь поехали...

Рывком поднялась на верхнюю ступеньку, вошла в темное, влажное от слез нутро кареты, в котором на меня уставились три пары глаз. Причем если две пары были напуганы без всякой меры, то третья пара смотрела скорее с легкой укоризной и выражением: «А я предупреждала, что это плохая идея».

Да, я уже пожалела, что решила посадить Марусю и Петрушку в карету. Пусть бы ехали под своим тулупом. Ну, правда, же не зима на дворе. Не замерзли бы. Зато удалось бы избежать дурацкого «концерта» с непонятной концепцией.

И в карете было бы гораздо свежее... Да, когда мои невольные попутчики согрелись и оттаяли, стало понятно, что им не мешало бы принять ванну. Нет, они не воняли, как бомжи, да и одежда у обоих была достаточно чистая. Но легкий запах все равно присутствовал.

До поместья мы доехали час через три. Петрушка с Марусей уже успокоились и не сжимались в ужасе каждый раз, когда мой взгляд ненароком касался их. Мы так и не позавтракали, потому что сначала мне кусок в горло не лез из-за потраченных нервов, а потом из-за витающих внутри арома-

тов. Остальные тоже не выразили желания поесть пироги и запить их взваром.

Поэтому, когда карета остановилась, и кучер громко закричал:

- Приехали! Открывай ворота!

Я обрадовалась. И не стала ждать, когда мы заедем во двор: распахнула дверцу кареты и спрыгнула на землю. Мне не терпелось увидеть свой новый дом.

И мое любопытство было вознаграждено. Я увидела его во всей красе.

Вся усадьба располагалась на высоком берегу небольшой речушки. Когда-то территория была огорожена высокой деревянной стеной из бревен, как старинные крепости в учебниках истории. Ведь поместье совсем недалеко от границы, и тот мой предок, который его строил, позаботился, чтобы набегии тартарских войск не могли навредить слишком сильно.

Сейчас защитной стены уже не осталось, только дорогу перегораживали огромные ворота под треугольной крышей. Они привели меня в восторг. Я не удержалась и потрогала ладонью деревянную поверхность: тепло и чуточку шершаво. Я ничего не понимаю в дереве, и способна только отличить сосну или ель от березы, и то только тогда, когда они растут. Но с первого прикосновения у дерева у меня появилась уверенность, что это самый настоящий дуб.

Правда, потом, через несколько лет, я узнала, что ошиблась. Мой пра-пра-прадед использовал для строительства

лиственницу, которую привез из набегов в Тартарию... Он был очень воинственный старикан.

Возница легко спрыгнул с козел и со всей дури ударил по деревянным створкам. И заорал:

- Э-Эй! Есть кто?! Открывай!

Когда за воротами кто-то загремел засовами, у меня дыхание перехватило. Еще немного и я буду дома.

Глава 29

Ворота слегка приоткрылись и в щель высунулась борода... Самая настоящая борода, которая как будто бы существовала сама по себе, а не росла на человеческом лице. Потому что лица совсем не было видно.

- Кто такие? - спросила борода.

- Хозяйка приехали, - первым отозвался возница, который стучал кулаком по воротам.

А второй была я:

- Я, Бехтерева Лариса Дмитриевна, - заявила, стараясь звучать весомее, чем позволял тонкий голос юной девушки.

- И я теперь буду здесь жить...

- Лариса Дмитриевна?! - голос бороды дрогнул. - А документы у вас имеются?

Слово «документы» он произнес на манер почтальона Печкина, сделав ударение на звуке «у». И это так сильно окунуло меня на прошлую жизнь, да еще сказалось мое радостное и веселое настроение, и я рассмеялась и выпалила, отвечая как в мультфильме.

- Усы, лапы и хвост — вот мои документы!

- Чегось?! - растерялась борода.

Возница ничего не сказал, но глаза озадачено скосил.

- Вот письмо от Дмитрия Анатольевича, - влезла Груня и протянула конверт бороде. - Он велел прочесть его вам поз-

же, наедине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.